

БОБРИЩЕВ-ПУШКИН 1-й,

квартирмейстер[ской] части поручик

I В № 422

№ 1

ОПИСЬ

бумагам, составляющим дело
о поручике Бобрищеве-Пушкине 1-м

Число бумаг	На каких листах
1. Начальный допрос, снятый с Пушкина господином генерал-адъютантом Левашевым (в С.-П[етер]бурге) ¹	на 1
2. Допрос, снятый с Пушкина генерал-адъютантом Киселевым (в Тульчине) ²	на 2
3. Начальные вопросы от Комитета	на 3
4. Ответы на оные (о воспитании) ³	с 4 по 6
5. Формулярный список о службе Пушкина	с 6 по 8
6. Вопросные пункты 19 генваря Пушкину ⁴	с 8 по 10
7. Ответы Пушкина	с 10 по 14
8. Вопросные пункты Пушкину 29 марта	с 14 по 17
9. Ответы его	с 17 по 31
10. Дополнительное показание Пушкина	с 31 по 35
11. Рапорт г[осподина] дежурного генерала Главн[ого] штаба его величества № 800	на 35
<i>При оном:</i>	
12. Письмо Пушкина 1-го на высочайшее имя от 25 апреля	с 36 по 38
Белые листы	с 38 по 42

Военный советник Вахрушев // (л. 11).

¹ Слова в скобках «в С.-П[етер]бурге» вписаны под строкой.² Слова в скобках «в Тульчине» вписаны под строкой.³ Слова в скобках «о воспитании» вписаны в строку позднее.⁴ Фамилия «Пушкину» вписана в строку позднее.

№ 2 (5)

Формулярный список свиты его императорского величества по квартирмейстерской части поручика
Бобрищева-Пушкина 1-го
1826 года// (л. 11 об. — 12)

Чин, имя, отчество и прозвание	Сколько от роду лет?	Из какого состояния и, буде из дворян, то в которых губерниях и уездах и сколько имеет мужска полу душ крестьян?	В службу вступил, какими в оной чинами происходил и когда?				В течение службы своей в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился?	Во время службы своей в походах и у дела против неприятеля где и когда был?	Российской грамоте и другие какие науки знает ли?	В домашних отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок?	В штрафах был ли по суду или без суда, за что именно и когда?	Холост или женат и имеет ли детей?	Где находится, по чьему повелению и с которого времени?	К повышению чина аттестуется ли достойным?
			Чины	Годы	Месяцы	Числа								
Николай Сергеев сын Бобрищев-Пушкин 1-й ордена св[ятой] Анны 4 степени	25	Московской губернии, из дворян	Колонново-жатым	818	Ген-в[аря]	31	В свиту его величества по квартирмейстерской части	820 года, в апреле месяце, командирован на съемку Подольской губернии. 822, июля 10, за оказанные труды при оной съемке награжден орденом св[ятой] Анны 4 степени. 821, декабря 8, командирован в Главную квартиру 2 армии, где за отличие по службе произведен в поручики	По-русийски, по-французски и часть математических наук	Не бывал	Не бывал	Холост	При Главной квартире 2 армии	Достойн
			Прапорщиком	819	Мар[та]	10	В сей же свите							
			Подпоручиком	822	Ап[реля]	2								
			За отличие по службе поручиком	822	Нояб-ря	27	В сей же свите							

Подлинный подписал: Генерал-майор Селявин
Верно: Начальник отделения Гамзи н// (л. 7)

№ 3 (2)

Квартирмейстерской части от поручика Пушкина 1-го требуется объяснение следующее:

По произведенному следствию относительно членов тайного общества из некоторых показаний видно, что вы принадлежите к тому злоумышленному скопищу, для чего объясните по долгу присяги и откровенно: 1) когда вы и кем именно приняты в оное? 2) Что вам говорено о тайнах сего общества? 3) Где началось оно, кто действующие главные члены и участники в нем? 4) Какая цель и план его и к чему клонилось стремление оно? 5) Читаны ли вам написанные для сего общества предположения и под каким названием, и не знаете ли у кого оные хранятся? Наконец, // (л. 7 об.) объявите все то, что вам известно касательно тайного общества и тех лиц, кои принадлежат оному.

Генерал-адъютант Киселев

Декабря 31 дня 1825 г.
м. Тульчин // (л. 6)

К тайному обществу, здесь упоминаемому, я не принадлежал и о всем, что здесь спрашивается, ничего не знаю.

Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части поручик Бобрищев-Пушкин 1-й¹

№ 4 (1)²

№ 145³
На вас есть показание, что вы принадлежали тайному обществу. Что вы об оном знали?

По квартирмейстерской части поручик Бобрищев-Пушкин 1-й

В 1819 году я был принят в тайное общество, кем же был принят, назвать не хочу. Членов назвать я не могу. Намерение общества было введение в государстве ограниченной власти. Средство достижения оно сказать не могу по неизвестности.

Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части поручик

Бобрищев-Пушкин 1-й⁴

Генерал-адъютант Левашев // (л. 13)

№ 5 (6)⁵

1826 года, января 19 дня, в присутствии высочайше учрежденного Комитета состоящий при Главном штабе 2 армии квартирмейстерской части поручик *Бобрищев-Пушкин 1-й* спрашиван в пояснение первого его показания.

¹ Ответ написан Н. С. Бобрищевым-Пушкиным собственноручно.

² Вверху листа помета карандашом: «В крепость».

³ Первоначально было: «№ 141».

⁴ Показания подписаны Н. С. Бобрищевым-Пушкиным собственноручно.

⁵ Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 21 генв[аря]».

В данных здесь ответах вы сознаетесь, что в тайное общество приняты в 1819 году и что намерение оно было ввести в государстве ограниченное правление, но решительно отказываетесь как от наименования принявшего вас и принадлежащих к обществу членов, так и от объяснения, какими средствами оно надеялось достигнуть своей цели единственно, потому что не хотите или не можете.

Отзыв такого рода сам по себе есть новое¹ преступление, усугубляющее признанную вами вину и влекущее за собою строжайшее взыскание, не за одно уже соучастие в злоумышленном обществе, но и за дерзостное упорство в раскрытии истины, // (л. 13 об.) которая совершенно известна.

Но Комитет, не желая лишить вас средства к чистосердечному раскаянию, которое одно может смягчить строгость правосудия или приобрести некоторое снисхождение, требует от вас откровенного показания о том:

1

Когда, где и кем именно вы приняты в тайное общество, что побудило вас вступить в оное и кто были известные вам члены?

2

В чем именно заключались цели или намерения того общества, которому вы принадлежали, и какие средства оно употребляло к достижению оных?

3

Каким образом члены общества сносились между собою?

4

Комитету известно, что один // (л. 14) из главных членов Тульчинской управы князь Барятинский действовал посредством вас и других офицеров квартирмейстерской части, при Главном штабе 2 армии находящихся.

Поясните: какие имели вы поручения от князя Барятинского по видам тайного общества и как исполнили оные?

К сему присовокупите все то, что вам известно о существующих в России тайных обществах, о их намерениях, действиях, сношениях и членах и что может служить удостоверением о вашем чистосердечии.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 15)

№ 6 (7)

Высочайше учрежденному Комитету
свиты его императорского величества по квартирмейстерской части
поручика Бобрищева-Пушкина 1-го

Рапорт

В ответ на запросы высочайше учрежденного Комитета, сделанные мне генваря 19² дня 1826 года, честь имею почтеннейше донести:

Во-первых, что, объявляя о себе искренно его превосходительству господину генерал-адъютанту Левашеву, что я был в тайном обществе, которого признания он требовал именем государя императора, я не мог

¹ Далее над строкой карандашом вписано: «и важное».

² Первоначально было «20-го».

решиться сказать ему имени того, кто меня принял, уверяю всем, что есть святого, не из упрямства непозволительного и не словом «я не хочу», что сказать боже меня сохрани, ибо это было бы в самом деле дерзко, но по причине неумышленной, родившейся внезапно, в минуту, которую не до-вольно я предусмотрел, именно же я сказал это по следующей причине. Так как с условием только признания вышеупомянутого обещалось мне помилование за вину мою, которая, как показалось мне тут, относясь к общественности, составляла совершенно отдельный предмет, то мне вдруг бросилась мысль, что теперешнее мое признание обращает уже в дело не общественное (ибо надлежало бы мне объявить дело прежде наступившей опасности), а лично до меня касающееся, до моего спасения частного, и, следственно, если кто-нибудь из показанных мною как-ни-будь не признается и чрез то лишится высочайшей милости, то выйдет, что я своим спасением обязан буду погибели другого, что меня поразило, ибо, в самом деле, если бы это так было, то и при моем спасении оста-лось бы у меня несносное угрызение совести, поелику проступок мой был бы противен чистой, христианской нравственности, заставляющей скорей лишиться своего, нежели // (л. 15 об.) отнять у другого, повеле-вающей любить ближнего, как самого себя, и носить бремени друг друга. Вот, что внезапно на меня подействовало, и, приведя в недо-умение, заставило не решиться объявить вопрошаемое и произнести: «Нет! Воля ваша, никак не могу пожертвовать другим, и тем еще более приятелем, для собственного спасения, лучше на себе перенесу могущее приключиться им несчастье». Вторично уверяю высокопочтен-нейший Комитет, что это, а не другое заставило меня это сделать в быстроте всего происшествия, которое слишком для меня необыкновенно, следственно, весьма могло произвести и неверную мысль, хотя с чистым намерением произведенную, и которая, чтобы быть верною, должна быть обдумана в достаточное время, рассмотрена со всех сторон в спокойном положении духа, чего никак не могло быть для меня, как может увидеть всякий, кто поставит себя на моем месте. Итак, одна внезапная, порывная мысль произвела новую мою вину, никак не предвиденную мною, в которой просил бы всенижайше прощения у стоп его императорского величества, но, не дерзая и не могши приступить к этому, всепокорнейше прошу высокопочтенных особ, составляющих Комитет сей, из человеколюбия вступить за меня, испро-сить мне прощение в неумышленной вине сей и спросить, дабы его императорское величество поступил со мною так, как бы ему благо-угодно было поступить со мною, если бы этого не случилось, и облегчил бы узы мои, если тягость их умножена еще этим случаем, наведшим на меня высокомонарший его гнев, который для меня еще тяжелее и чувствительнее самого наказания.

Что же касается до средств, которыми упомянутое тайное общество, куда несчастная судьба моя меня завлекла, надеялось достигнуть своей цели, то я не объявил их, потому что их не знал при моем в него вступле-нии, да и теперь еще не знаю, как изволите усмотреть из объяснений на заданные // (л. 16) мне пункты, на которые имею честь отвечать, повто-ряя словесные мои ответы.

I

Принят я в тайное общество в м. Тульчине в конце 1820 или в начале 1821 года, точно никак не упомяну¹, а не в 1819, что отвечал, не вспомнив хорошо вскорости, ибо в этом последнем году меня еще и не было во 2 армии и я находился при учебном заведении колонновожатых в Моск-ве. Принял меня старший адъютант 2 армии гвардии поручик Басаргин.

¹ Две первые строки ответа на полях отчеркнуты карандашом.

Причины же, меня вовлекшие¹ в сие общество, суть следующие. Еще в молодости по книгам, в кругу общежития и вообще по слухам, заметив перемену многих мнений и некоторую деятельность в умах, воспринявшую свое начало в царствование блаженной памяти государыни императрицы Екатерины II, и которая еще более возросла в наше время, особенно с 1812 года, наслышавшись также о бывших масонских ложах, из которых некоторые отделения, как я слышал, назывались мартинистами², может быть, и под другими еще названиями существовали, и коих предполагаемые всеми отрасли при сличении их с известиями об иностранных различных соединениях, по моему соображению и по догадкам многих, должны были иметь не все одни христианские виды, но и виды политические, а иные, как я слышал, и совершенно безнравственные, ибо во множестве совершенного единства в мыслях быть не может, притом сличая настоящее с историей, впрочем, вероятно, по молодости, и³ не довольно хорошо его приноравливая к оной, я сделал простое умозаключение, что везде за переменою во мнениях происходили какие-нибудь волнения, следственно, немудрено, что и в России это рано или поздно случится, тем более, что примеры заразительны и что есть некоторые общества, по существовавшим слухам — многочисленные, которые, вероятно, существуют для чего-нибудь. Возраставшие различные толки, и хорошие, и дурные, // (л. 16 об.) какие случалось мне слышать, представили моему воображению, что сие волнение может быть даже и очень близко, почему, когда мне предложили вступить в тайное общество, то я решился вдаться в сию опасность с единственным намерением, причитаясь к какому-нибудь соединению, получить чрез то самую возможность в случае нужды быть полезным моему отечеству, каким бы ни случилось особам и лицам, и моей вере, которая в эдаких случаях может быть также в опасности. Решение опрометчивое, быть может, еще более — неблагоприятное, но которое в совести своей я не почитал преступным, ибо решился не действовать сам никак без того, чтобы разве обстоятельства не привлекли меня⁴ к какому-нибудь из действий, которое мне покажется справедливым, исполнение чего доказывается тем, что в продолжение нескольких лет я не принял ни одного члена, что, верно, бы мог сделать, если б хотел; вдался же в опасность, потому что полагал, что Отечество не в одном сражении требует пожертвования собою.

Что касается до членов общества, мне известных и которых я узнал мало-помалу в разные времена, то они суть:

Господин генерал-интендант 2 армии Юшневский.

Вятского пехотного полка полковник Пестель.

Адъютант господина главнокомандующего 2 армиею гвардии штаб-капитан князь Барятинский.

Старший адъютант дежурства 2 армии поручик гвардии Басаргин.

Коллежский советник и штаб-лекарь Вольф.

Адъютант главнокомандующего 2 армии гвардии ротмистр Ивашев.

Адъютант господина главнокомандующего 2 армиею гвардии поручик Крюков 1-й.

Квартирмейстерской части поручик Крюков 2-й.

Квартирмейстерской части поручик барон Черкасов.

Квартирмейстерской части поручик Загорецкий⁵. // (л. 17)

Брат мой, квартирмейстерской части поручик Бобрищев-Пушкин 2-й, о котором узнал, кажется мне, с год или полтора назад.

¹ Две строки от слов: «Принял меня...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Далее зачеркнуто: «и».

³ Слово «и» вписано над строкой.

⁴ Семь строк от слов «самую возможность в случае...» отчеркнуты карандашом.

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

Полковой командир Казанского пехотного полка полковник Аврамов, о котором знаю только по слуху.

Умерший в 1825 году квартирмейстерской части капитан Филлипович 1-й.

2

Условия, предложенные мне при приеме, были — способствовать введению в России правления, ограниченного посредством народной депутации, для чего предполагалось доставить свободу и помещичьим крестьянам. Защищать неприкосновенность¹ господствующей веры, но обеспечить веротерпимость и прочих христианских исповеданий. Всеми силами не позволять раздробления государства, если бы некоторые области, воспользовавшись переменою, захотели отделиться. Не принимать в общество никого, кроме русских или тех, которые по обстоятельствам совершенно привязаны к русской земле. Принимаемому не сказывать никак ни чьего имени, кроме своего, и сообщаться посредством того, кто принял. О средствах, которые общество употребляло для достижения своей цели², кроме способа принимать в члены, никакого сведения не имею; мне сказано было³ при моем принятии, что есть многие члены, особенно в Петербурге⁴, которые стараются о достижении этой цели, почему и полагал я, что многие значущие лица как⁵ в С.-Петербурге, так и в других местах России тут действуют и, вероятно, имеют какие-нибудь средства, без чего не принялись бы за дело; какие же эти средства, о том я никого не хотел и спрашивать, ибо знал на верное, что мне их не скажут, если бы кто и знал. Там же, где я находился, никакого действия не было и // (л. 17 об.) никаких собраний, для того необходимых, не происходило, по крайней мере в моем присутствии.

3

Способ сообщения показан мною выше, а если бы кто вновь был принят, то по этому же способу должны были давать знать господину генерал-интенданту Юшневскому.

4

О назначении князя Барятинского услышал я, кажется мне, месяца за три пред сим от господина Юшневского, к которому зашел обедать. Он мне предложил известить членов, мне известных о том, что ему дано знать от полковника Пестеля, что Барятинский назначен был начальником⁶ управы в Тульчине для намерения сообщений, от извещения о чем я отказался под предлогом, что могу не знать некоторых членов и потому пусть извещают о сем по упомянутому способу. К тому же примолвил, что, кроме подания какого-нибудь известия, я не знаю, какого рода его начальство (что и г[осподин] Юшневский почел ребяческою игрушкою, как он мне тут сказал), ибо, что до меня касается, сказал я ему⁷, то я решительно говорю, что я никакого действия, через него⁸ мне передан-

¹ Четыре первые строки ответа на полях отчеркнуты карандашом.

² Десять строк от слов «господствующей веры, но...» отчеркнуты карандашом. На полях против них поставлен крест.

³ Четыре строки от слов «не имею; мне сказано было...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «что есть многие члены, особенно в Петербурге» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «значущие лица, как» подчеркнуты карандашом.

⁶ Три строки от слов «Он мне предложил...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слова «сказал я ему» вписаны над строкой.

⁸ Четыре строки от слов «что, кроме подания...» на полях отчеркнуты карандашом.

ного от главных в обществе, на себя не приму, ибо не знаю, кто они, чего хотят в самом деле, и потому имею право предполагать, что они захотят чего-нибудь, что совершенно противно моим правилам; посему я тогда только могу что-нибудь с ними делать заодно, когда они себя явственно откроют и на деле покажут свои намерения и действия; о сем, вероятно, не откажется засвидетельствовать и господин генерал-интендант Юшневский, если он признается в том, что был членом. Что же касается до господина Юшневского самого, то я из слов его превосходительства господина генерал-адъютанта Чернышева при моем словесном допросе заметил, что полагают его игравшим важную роль в обществе; что касается до меня, то я по некоторым из его речей, впрочем, немногих, ибо я всегда старался избегать многих разговоров относительно общества, мог заметить, что если он в самом деле играл какую-нибудь // (л. 18) особенную роль, то важную только разве¹ по одному названию, ибо он сказывал, как мне казалось, большую холодность к существованию общества (например, после двухлетнего или более нашего знакомства с ним он узнал только, что я принят) и даже сказал мне однажды, что он говорит это только мне, но что собирается со дня на день отказаться от общества, которое ему весьма надоело, на что я ему отвечал, что, признаться, и с моей стороны я весьма жалею, что в него вступил².

5

От князя Барятинского я никаких поручений не получал, а потому не мог их и исполнить.

Относительно же настоящего существования в России тайных обществ ничего сказать не могу и еще менее — о их намерениях, действиях, сношениях и членах, ибо для того надобно играть в них какую-нибудь роль³; мне же и одно общество весьма было тягостно, и, если позволено сказать здесь свою сердечную тайну, то я не один раз просил бога, чтобы он меня вывел из сих обстоятельств, и теперь еще рад поистине, что оно разрушилось, ибо надеюсь на милость всеавгустейшего нашего монарха, что он оценит вину мою и простит мне, наконец, все то, что в поступке моем есть погрешительного, ибо истинно в том раскаиваясь, ничего, впрочем, слишком важного за собою не знаю. Главная вина моя состоит, как мне кажется, в том, что я при подписке, которая была после моего вступления⁴, не показал о моем при обществе нахождении, что я сделал, потому что это было бы уже все равно, что принять на себя донос, через который, как мне казалось, не мог я открыть ничего важного, не только открыв одного члена, но если бы открыл их и несколько более, в чем, признаюсь еще откровенно, // (л. 18 об.) остановило меня еще и то, чтобы я объявил [бы] себя на весь свет маловажным доносчиком, не имея никаких достаточных средств доказать донос свой, и поступил бы чрез то против общего мнения по крайней мере, как мне казалось, множества людей и даже нередко значительных в обществе, существующего против доносчиков, особенно ничего не доказавших, наведших одно подозрение и вред другому, во мнении оставшемуся правым. Вот все, что имею почтеннейше представить на рассмотрение высочайше учрежденному

¹ Слово «разве» вписано над строкой.

² Семнадцать строк от слов «до господина Юшневского самого...» отчеркнуты карандашом. На полях против них поставлены два креста.

³ Четыре строки от слов «Относительно же настоящего...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Две строки от слов «Главная вина моя...» на полях отчеркнуты карандашом.

Комитету, вверяя судьбу мою в руки моего спасителя и бога и моего все милостивейшего государя.

Свиты его императорского величества
по квартирмейстерской части поручик

Бобринцев-Пушкин 1-й¹
Генерал-адъютант Чернышев // (л. 19)

1826 года,
генваря 21 дня

№ 7 (8)²

1826 года, марта 29 дня, в присутствии высочайше учрежденного Комитета квартирмейстерской части поручик Бобринцев-Пушкин 1-й спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В данных Комитету пояснительных ответах вы, сознаваясь о принадлежности к тайному обществу, с раскаянием уверяли, что все вам известное насчет действий и членов оного открываете без малейшей утайки.

Но по изысканным удостоверениям оказывается, что вы умолчали о таких обстоятельствах, в коих принимали деятельное участие и которые обнаружили теперь с подробностью.

И потому Комитет требует от вас откровенного и ясного дополнения к ответам о нижеследующем:

1

Квартирмейстерской части подпоручик Заикин, объявивший Комитету // (л. 19 об.) о сокрытых бумагах полковника Пестеля и посланный на место для вынуждения их из земли, показывает, между прочим:

а) Что по поручению Крюкова 2-го, ездивши в Линцы к Пестелю с известием о болезни блаженной памяти государя императора, на обратном пути оттуда, в Немирове, взял от майора Мартынова бумаги, принадлежащие Пестелю, одни зашитые в холсте, а две открытые, кои по приезде в Тульчин показывал вам и брату вашему поручику Бобринцеву-Пушкину 2-му.

б) Что, согласившись с вами и братом вашим, означенные бумаги увезли в село Кириасовку, где бывшие в холсте, зашив в клеенку, спрятали в своей квартире под полом, а две открытые бумаги он, Заикин, положил у себя особо.

в) Что после того вы и брат ваш, желая сберечь вернее бумаги, зашитые в клеенку, ночью зарыли их в землю // (л. 20) в поле, недалеко от селения. Место, где оные были сокрыты, указал ему, Заикину, брат, Пушкин 2-й.

г) Что недели чрез две вы, пришед к нему, Заикину, на квартиру, вспомнили о двух открытых бумагах Пестеля и, прочитав с ним оные, тут же сожгли. Бумаги сии содержали: 1) замечание о неисправности артиллерийских снарядов и мнение о том, как предложить чрез какого-то адъютанта его генералу, чтобы их исправить, 2) о успехе в принятии членов общества, что такой-то принят, а такой-то уже готов.

д) Что хотя штаб-лекарь Вольф, по поручению Юшневского, и другие тульчинские члены неоднократно напоминали вам и ему, Заикину,

¹ Показания написаны Н. С. Бобринцевым-Пушкиным собственноручно

² Вверху листа помета чернилами: «Читано 2 апреля».

чтобы все бумаги Пестеля истребить, но вы, почитая оные важным сочинением в политическом отношении, желали сохранить оные // (л. 20 об.) и для того, бывая в Тульчине не один раз, распускали между членами слухи о мнимом сожжении бумаг Пестеля.

е) Что он, Заикин, желая спасти вас и брата вашего от ответственности за означенные бумаги и полагаясь на память свою, объявил положительно, что найдет их, но, прибыв на место, указывал оное ошибочно и только с помощью брата своего Федора успел отыскать настоящее место, где те бумаги и взяты посланным от правительства чиновником.

2

Брат подпоручика Заикина Пермского полка подпрапорщик Федор показывает:

1) Что во время отлучки вашей с квартиры брат ваш Пушкин 2-й, вызвав его в поле для прогулки и указав ему то место, где зарыл бумаги, Пестелю принадлежащие, сказал: «Может быть, мы погибнем, то вы знайте, // (л. 21) куда оные спрятаны».

2) Что в исходе декабря 1825 вы, приехав из Тульчина, говорили ему, Федору: «Когда все это успокоится, отдайте бумаги хотя Лачинову или кому другому, на которого можно положиться, с тем чтобы оные давались по рукам для чтения и убеждения, что это дело не мальчишек».

3) Что, когда Пестель был уже взят и увезен в Петербург, то вы и брат ваш Пушкин 2-й сказывали ему, Федору Заикину, что Пестель намерен был придти в Тульчин с полком 1 января и арестовать всех, а в то же время произвести возмущение и в других местах государства, чтобы учредить в оном республиканское правление.

Сие обстоятельство подтверждает и подпоручик Заикин. // (л. 21 об.)

3

Князь Барятинский, сознаваясь, между прочим, в употреблении свитских офицеров по делам общества, ссылается на вас, что он просил объяснить Пестелю, что комиссии его ему надоели, и он не хочет более заниматься ими.

Объясните все сии обстоятельства с полным чистосердечием и призовокупите к тому все, что вам касательно действий тайного общества известно сверх сделанных вопросов.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 22).

№ 8 (9)

Высочайше учрежденному Комитету
квартирмейстерской части поручика
Бобрищева-Пушкина 1-го

Рапорт

В прежнем моем донесении я уверял в своем раскаянии, что вступил в общество, и это уверение готов подтвердить всякому на суде господнем; если же что не показал, то по причине сострадания к ближнему; да и то намеревался было после вскоре объявить, но опасался без требования высочайше учрежденного Комитета и без его уверения, что мне простится эта нерешимость, почему и предоставил все судьбе божеской. К тому

же об этих бумагах должен был донести сперва Заикин¹, а потом я, потому что он² их принял, и я не хотел отнять у него средства к своему оправданию, воспользовавшись оным, сказав прежде его, а также и брата, ибо я не знал, решатся ли они объявить о них прямо или нет. Скрыть же оные Заикину помогли мы единственно для³ него, по дружбе к нему; конечно, входило сюда и желание собственного спасения⁴, о котором по естественной необходимости каждый из нас, много ли, мало ли виноватый, помышлять был должен. Наконец, извините меня, если скажу полную правду (вы сами изволите требовать чистосердечия), несколько остановило меня во многом и то, что я не совершенно был уверен, что откровенность моя послужит мне в пользу, особенно потому, что его величество на меня прогневался⁵. Впрочем, что мог для моего ближнего, то я сделал и слишком много за это заплатил, можно сказать, умирал всякий из этих 90 дней, в которые томлюсь в моей душевной темнице; если не умер, то, видно, бог хочет, чтобы я говорил все, что знаю. Один бог в силах был подкрепить меня до сих пор святою своею благодатию; теперь, кажется, имею полное право быть откровенным.

К членам, еще мне известным различными образами, из которых в некоторых, впрочем, полного отчета себе дать не могу, хотя и уверен, что они точно состояли в обществе, должен присовокупить.

Квартирмейстерской части поручика Аврамова⁶.

Квартирмейстерской части подпоручика Заикина⁶. // (л. 20 об.)

Квартирмейстерской части подполковника Фаленберга⁶, с которым, впрочем, полуслова и вообще о политике не говорил.

Брата генерала Юшневского чиновника Юшневского 2-го⁶.
Не помню от кого, узнал о майоре или подполковнике Днепровского, кажется мне, полка Поджио⁶, который уже не в отставке ли.

Квартирмейстерской части поручика Лачинова⁶, о принятии которого в последнее время сказывал мне князь Барятинский⁶.

Майора Мартынова⁶, брата полковника Мартынова⁶.

Слышал, что полковник Пермского полка Леман⁶ принят недавно, с которым лично не знаком.

Адъютанта [господина] главнокомандующего, зятя супруги его, Горленку⁷, о принятии которого в последнее время сказывал мне также князь Барятинский.

Генерал-майора князя Волконского⁶, командира бригады 19 дивизии.

Капитана или штабс-капитана Азовского полка Фохта⁶.

Сына [господина] главнокомандующего 2 армии флигель-адъютанта графа Людвиг Витгенштейна⁶.

Квартирмейстерской части прапорщика Юрасова⁶, которого принял Крюков 2-й или князь Барятинский. История в Тульчине, известная его превосходительству генерал-адъютанту⁸ Чернышеву, оттого и приключилась, ибо ему предложили вступить в общество в слабости продолжительной его болезни; он принял предложение, потом начал об этом думать, как видно, раскаивался, отчего и сделался с ним известный припадок сумасшествия.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «он» подчеркнута карандашом.

³ Слово «Скрыть же оные Заикину помогли мы единственно для» подчеркнуты карандашом.

⁴ Три строки от слов «ибо я не знал...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «особенно потому, что его величество на меня прогневался» вписаны над строкой.

⁶ Фамилии подчеркнуты карандашом.

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом. На полях против строки карандашом поставлен знак NB.

⁸ На полях против строки поставлен знак NB.

Еще взят некто Рынкевич¹, живший у генерала Юшневского, которого кто-то из них принял в последнее время для² того, чтобы послать к Пестелю с каким-то известием.

Поручик Загорецкий¹ ездил в Немиров верхом с каким-то поручением, которое исполнил он, говорю перед богом, с большою неохотою, я — свидетель, и по всему видно было, что он это делает, увлеченный опасением, чтобы его не почли за труса.

Кроме этих, в Тульчине³ не находится, можете быть вполне уверены, разве из каких-нибудь чиновников по интендантской части, чего, однако, никак не думаю, ибо генерал-интендант при мне однажды сказал, что // // (л. 23) он, к счастью, никого не принял, кроме одного Вольфа⁴; еще думаю, что он же принял и своего брата.

Относительно пунктов, вновь мне предложенных, имею отвечать:

Квартирмейстерской части подпоручик Заикин⁴, точно, привез бумаги из Немирова в таком виде, и все зашитые в подушке повез он в с. Кирнасовку, не согласившись со мною, а это, или его мысль, или кто другой ему ее подал, что были они спрятаны на его квартире под полом — это правда, и что две открыты были — также; их он сжег в Кирнасовке же. Содержание их именно то, которое упомянуто в запросных пунктах; еще надобно прибавить, что в одной из них было написано, что эти господа насилу могут удержать остервенение солдат⁵, именно, помнится мне, в той, где говорилось о принятии членов. И надобно сказать, что это известие нас⁶, по крайней мере меня, весьма удивило, ибо мы никак не думали, чтобы вещи были в таком положении.

Не я и брат мой именно вздумали зарыть их в поле, особенно не я, тем более, что я тут некоторым образом в стороне оставался, ибо жил совершенно на отдельной квартире, следственно, мог сказать, что я не знал, что они спрятаны у Заикина (что Заикин сам мне объяснил)⁷, но сам Заикин этого весьма хотел и мы по приязни исполнили это; по обстоятельствам его не случилось тут с нами, дожидаться его было нельзя, ибо у Крюкова уже отобрали бумаги; сделали это, наконец, для того, что Бяратинского отправили в Тирасполь; он знал, что бумаги в комнате Заикина, также и другие знали, могли воспользоваться этим для того, чтобы выпутаться; итак, это было сделано для того, чтобы спасти Заикина, чтобы сии бумаги не тотчас и не прямо попались в руки правительства, а по крайней мере вручены были кем-нибудь из нас, на кого падет жребий по ходу дела⁸.

Бумаги открытые были, как мне кажется, копии; они были посланы полковником Пестелем для того, чтобы, дав известие внезапным образом о состоянии духа в войске, что нам совершенно было ново, возбудить живость в членах Тульчина⁹, в // (л. 23 об.) недостатке которой он давно нас подозревал, особенно Юшневского. Для чего, как догадываюсь, вместо Юшневского и старался он назначить князя Бяратинского (которого во все время всячески старался он привязать к себе, пользуясь чем только можно)¹⁰, думаю так, в начальники Тульчинской управы.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² На полях против строки поставлен знак NB.

³ Здесь, очевидно, пропущено: «никто».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Слова «удержать остервенение солдат» подчеркнуты карандашом.

⁶ Одиннадцать строк от слов «Квартирмейстерской части подпоручик Заикин...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁷ Слова в скобках «что Заикин сам мне объяснил» вписаны над строкой.

⁸ Шестнадцать строк от слов «по крайней мере меня...» первоначально были отчеркнуты на полях карандашом.

⁹ Четыре строки от слов «Бумаги открытые...» на полях отчеркнуты карандашом.

¹⁰ Слова в скобках «которого во все время всячески старался он привязать к себе, пользуясь чем только можно» вписаны над строкой.

Зайкин мне именно сказывал, что он не доволен Юшневским. Так как я ездил обыкновенно всякое воскресенье в м. Тульчин, то Зайкин мне их отдал передать вскоре после привоза, однако, как помнится, не тотчас и в то время, как уже мы подозревали, что мы в большом подозрении, особенно Пестель, ибо Зайкин сказывал, что когда он пришел к Пестелю, то он сказал, кажется, майору Лореру: «Нет! Это наши, а я всякую минуту ожидаю, что меня едут хватать!». И перед этим, не знаю, как это заметил Зайкин, отдал оному поспешно¹ какой-то сверток, вероятно, спрятать. Что касается до меня, то я положил те бумаги в карман, потом не через две недели, кажется мне, что это точно так, а через день или через два, не более, в точности мудроно вспомнить, и отдал ему их назад, не возивши в Тульчин, говоря, что эдакие бумаги носить и возить опасно, и положили все вместе, что лучше их сжечь, а что в них написано, сказал я ему, можно вспомнить на память и пересказать, в чем, впрочем, и большой надобности нет. Он их сжег. И мы после этого, тот же, кажется, день вместе с ним в одной повозке поехали в Тульчин. Поехали мы 6 декабря, окончив присягу его высочеству государю цесаревичу; известие об этом и понудило его ехать, ибо он прежде ехать был не намерен. Он, не знаю кому, пересказал о них, а я сказал о них Юшневскому, не 6, а 8 или 9 декабря, пришедши к нему ненарочно за тем, а обедать, именно, помнится, почти теми словами сказал ему, между прочим: «Представьте, там пишут, что едва удерживают остервенение солдат». На что он отвечал: «Неужели?»² Вот как!». И спросил, сожгли ли эти бумаги, или советовал сжечь — одно что-нибудь из этого.

Касательно предложения о их сожжении — вот что было. Я, шедши по улице в Кирнасовке, вижу, что кто-то подъезжает к моей квартире верхом — это был поручик Аврамов. Спрашиваю, зачем он, он говорит мне: «Я приехал сказать, что бумаги Пестелевы должно сжечь непременно». Я ему тут же порывно сказал: «Помилуй! Как можно жечь эдакие бумаги!»³ // (л. 24) *Уговоры, чтобы не жгли*. Он мне сказал, что и ему тоже кажется. Он поехал рысью на зайкинскую квартиру, отстоявшую отсюда с версту, а я пошел туда пешком. Дорогою еще более утвердился в мысли, что их жечь не надобно, ибо, если доищутся, что они у Зайкина, то он, а с ним и мы будем гораздо виноватее, если сожжем, нежели сохраняя их, ибо эти бумаги, по всей вероятности, заключают в себе вещи замечательные. Почему и сам, как мог, сообразуясь с их характерами и со временем, старался их остановить, к чему, впрочем, и они были склонны, тем более, что жечь их было также опасно, ибо кипу такую сжечь нелегко так, чтобы и люди не видали. Аврамову⁴ же опять не я особенно, а все, и с его согласия, предложили рассказать в Тульчине, что их сожгли, дабы никто не воспользовался этим случаем, а открылись бы они естественным порядком, и именно вот, как они должны были открыться, что или сам Зайкин о них сказал, или⁵ дознались об этом от пестелева человека, который, я слышал, приходил к князю Барятинскому осведомляться о его бумагах, и ему сказано было, я слышал, что Пестель не должен за них опасаться. О человеке сем никак я не думал, чтобы при допросе не показал он этого случая, хотя меня и раза три уверяли в его верности; после даже слышал, что пестелевы люди увезены в Петербург,

¹ Три строки от слов «Пестелю, то он сказал...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Две строки от слов «сказал ему, между прочим...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Шесть строк от слов: «Касательно предложения...» отчеркнуты карандашом. Против них на полях карандашом поставлен крест и помета: «Аврамова».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Пятнадцать строк от слов «Уговоры, чтобы не жгли...» на полях отчеркнуты карандашом.

именно потому, что знают, где его бумаги. Аврамову¹ же поручил рассказать, что бумаги сожжены; дозволили это рассказать разве только барону Черкасову, ибо мы были уверены, что барон Черкасов по честности своих правил, нам известных, не захочет воспользоваться этим случаем, и, будучи сам подвержен взысканию, для того чтобы выпутаться, не захочет, говорю², объявлять о них неправильным образом, узнав об этом случайно, тогда как ему нет следа объявлять о них, ибо не он за них отвечает. Полагали тогда³, что он лучше согласится умереть, нежели погубить другого под предлогом личного только⁴ самосохранения, сказав прежде того, кому сказать о них должно. (Этот жребий пал на нас с братом, ибо, полагая, что и с ним должно случиться что-нибудь подобное моему, ибо едва ли с первого удара решится и он губить другого, спасая лично себя; доносить, так доносить прежде, а не тогда, как уже все известно во всех концах, о чем мы совершенно почти знали).

Перед этим же случаем еще один раз Черкасов⁵ сказывал, // (л. 24 об.) что к нему штаб-лекарь Вольф поспешно приехал и говорит: «Я важную вещь имею вам сказать; скорее велите сжечь бумаги Пестеля»⁶, и уехал, Когда Черкасов рассказывал, то все, которые там находились, не помню кто, причли это тому, что Вольф, и особенно Юшневский, потерялись и что крайней еще опасности⁷ нет, тем более опять, что их жечь трудно. Других поручений о сожжении не было и не могло быть, потому что после второго все уверились, что они сожжены. В доказательство же того, что у меня особенного желанья сохранить их не было, может послужить то, что, когда мы с братом⁸ решились непременно вынести их из комнаты Заикина, особенно для него, то я ему сказал: «Или лучше сжечь, как ты думаешь?» Он отвечал мне: «Да это гораздо труднее, то есть опаснее, потому что люди увидят. Из двух опасностей лучше выбрать меньшую»⁹.

Что брат сказал подпрапорщику Заикину, не знаю; что же до меня касается, то я точно просил его, чтобы он поглядывал на место, целы ли, нет ли; тут приметыв, что зарыто что-нибудь, и старался бы изгладить их, если можно; промолвил и то, что он говорит: «прибавь и по крайней мере для убеждения», и прочее, и еще: «или там для употребления, какое он сделать за благо рассудит, это уже не ваше дело, а того, кому отдадите». Сказал я это для того, чтобы заставить прилежнее их сохранять и непременно вырыть, ибо на новой земле может какой-нибудь мужик подумать, что это клад, вырыть их, показать священнику или управителю, а тот отвезти в Тульчин или в другое какое-нибудь место, а так как это близ самой деревни, то подозрение прямо падет на нас, этого мы и все трое опасались; притом и для того, чтобы вырывши не скоро истребили, ибо по ходу дела могут они и понадобится. К тому же признаюсь откровенно, что и во всяком случае мне хотелось¹⁰ лучше сохранить их, нежели истребить, для того чтобы, если удастся, после посмотреть¹¹, нет ли в них чего-нибудь любопытного и замечательного. Впрочем, я весьма был уверен, что они по рукам ходить не могут, ибо таковые вещи уйдут неда-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «не захочет, говорю» вписаны над строкой.

³ Слова «Полагали тогда» вписаны над строкой.

⁴ Слово «только» вписано над строкой.

⁵ Слова «значащие лица, как» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «скорее велите сжечь бумаги Пестеля» подчеркнуты карандашом.

⁷ Пять строк от слов «что ему штаб-лекарь Вольф...» отчеркнуты карандашом. На полях против них карандашом помечено: «Вольф».

⁸ Слова «мы с братом» подчеркнуты карандашом.

⁹ Три строки от слов сказал: «Или лучше сжечь...» на полях отчеркнуты карандашом.

¹⁰ Далее зачеркнуто: «мне».

¹¹ Три строки от слов «могут они и понадобится...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

леко. Мысль же о кладе особенно получил я или от Вольфа, или от барона Черкасова, говоря нечто о зарытии бумаг¹. // (л. 25)

Относительно того, что Пестель намерен придти в Тульчин, если я ему сказывал, то это сказывали мы слухи тульчинские, или по тульчинским слухам, что говорил, как я слышал, даже и генерал-квартирмейстер 2 армии, — впрочем, не при мне, и многие другие; достоверного же известия об этом, то есть через членов, я никакого не имел и не знаю, как брат, а я, как помню, не назначал ему 1 января и сам узнал об этом² числе от брата же³, который, шедши по улице на двор его сиятельства⁴ главнокомандующего, сказал мне, что говорят, что сегодня Пестель буд-то бы должен был придти в Тульчин. Я его на это спросил: «Разве это говорят?» «Говорят», — отвечал он мне. Да, я и теперь, впрочем, думаю, что это были сплетни, подобные тому, как говорили в Тульчине, что будто бы он хотел сделаться императором, что будто бы мы все хотели разделить между собою Уманщину, и прочие вздоры, которые не к чему и упоминать. О положении Пестеля был я скорее противного мнения, по словам Заикина, что он всякую минуту ожидает, что его схватят, и еще полковник Пестель сказал подпоручику Заикину, «что они (Кто — они? Бог ве-дает!) еще и сами не согласились относительно своих действий; думаю, однако, что лучше начать действовать в марте месяце, ибо весною несравненно способнее делать кампанию; впрочем, — сказал он, — как я слышал, если начнут, что легко может быть и чего ожидают беспрестанно, забирать членов в Тульчине или где-нибудь, то немудрено, что и тот-час начнут они свои действия⁵». Впрочем, еще сказывал Заикин, что Пестель ему⁶ мельком, не как поручение, сказал, что если бы начались какие-нибудь действия⁷, когда бы то ни было, то дело всех в Тульчине должно быть наблюдать⁸, чтобы главнокомандующий и генерал Киселев не скрылись и тайком⁹ не уехали. Это привел я к тому, что он в горячке едва ли¹⁰ сам¹¹ знает, что говорит, не сообразуясь с силами, что, вероятно, так и было, ибо именно опять, говорю, что, по словам Заикина, он всякую минуту ожидал быть схваченным. Почему, какой бы не имел характер, а вероятно, не знал, что делать. И Федору Заикину не по этому известию рассказывано было¹². Это самое, помнится¹³, и заставило с первого порыва¹⁴ одну минуту думать, что в самом деле не довольно ли они сильны для того¹⁵, чтобы начать свои действия, и не пришли ли в Тульчин внезапно, покамест того хорошенько не разжевали, а на минуту, вместе с известием о смерти блаженной памяти государя императора¹⁶, под дуло князя Барятинского для принятия вновь членов, покамест он не

¹ Пять строк от слов «что-нибудь любопытного и замечательного...» подчеркнуты карандашом.

² Слова «узнал об этом» подчеркнуты карандашом.

³ Слова «от брата же» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «его сиятельства» вписаны под строкой вместо зачеркнутого слова «господина».

⁵ Здесь вставка. Далее четыре фразы написаны на полях против строк и внизу листа.

⁶ Далее зачеркнуто: «впрочем».

⁷ Далее зачеркнуто: «то дело тульчинских членов».

⁸ Слова «должно быть наблюдать» вписаны над строкой.

⁹ Слова «и тайком» вписаны над строкой.

¹⁰ Слова «едва ли» вписаны над строкой.

¹¹ Далее зачеркнуто: «не».

¹² Здесь вставка. Далее одна фраза написана сверху листа.

¹³ Слово «помнится» вписано над строкой.

¹⁴ Слова «с первого порыва» вписаны над строкой. Одно слово, также вписанное над строкой, зачеркнуто.

¹⁵ Над словом «того» было вписано, а потом зачеркнуто слово «вместе».

¹⁶ Слова «вместе с известием о смерти блаженной памяти государя императора» вписаны над строкой.

пришел в себя, после чего и бросил дальнейшие действия совершенно. Надобно сказать, что сведение о том, что известно это общество уже давно, достигнуть должно было до полковника Пестеля, ибо сперва долго подозревали доносчиком полковника Аврамова, и это было даже до самого конца, когда уже все мы, которые не были задержаны, точно уверились, что доносчик Вятского полка капитан или майор Майборода. Чему прежде не совсем, говорят, верили, хотя известие о том получили, кажется, с полгода назад, как я слышал, от к[нязя] Бярятинского через графа Витта, узнавшего это едва ли не через генерала Киселева, и который захотел быть принят в обществе, потому мне сказывал к[нязь] Бярятинский, что ему будто бы хотелось, чтобы это общество возвратило ему репутацию. Еще // (л. 25 об.) может подтвердить это вот какой случай. Прошедшим летом встретился я с штаб-лекарем Вольфом¹, и он позвал меня с собою в сад графа Мечислава Потоцкого, сказав, что имеет сказать мне нечто; когда мы шли по аллее, он мне начал говорить: «Я должен вам сказать, а вы предупредите о том, кого знаете, чтобы были весьма осторожны, ибо общество, наверное, открыто и преследуемо. Я после этого, за некоторыми еще другими² словами об этом, сказал ему: «Знаете, что я думаю, что мы бы сделали преблагое дело, если бы разрушили его загодя, не подвергаясь опасности ни за что, ни про что». Он на это сказал мне, что это не нужно, ибо мы и так ничего не делаем и как бы не стоим в обществе. Я замолчал на это время, но эта мысль все у меня вертелась, и я даже в последнее время покоротился несколько более с генералом Юшневским с этим видом и, заметя в нем некоторую холодность к обществу, о чем я и прежде сказывал, очень был тому рад и бил, впрочем, не слишком явно, на ту руку, чтобы ее еще поувеличить, да, соединившись с ним и еще настроив кого-нибудь, если только возможно будет, разрушить наконец, то, что находилось в Тульчине, но обстоятельства вскоре иначе³ обратились и уже нельзя было об этом думать. Этого, разумеется, доказать я хорошо (впрочем, насколько могу)⁴ не могу и потому мимоходом только упоминаю. Уверяю, впрочем, что это справедливо. К этому весьма надеялся я склонить и брата, ибо однажды, идучи по улице около этого времени и разговаривая со мною о сем известии, он мне, [как] перед Богом, сказал: «Кто сам, может быть, бьется из чего-нибудь, из честолюбия или из чего-нибудь другого, а мы с тобою истинно подвергаем одни свои головы»⁵.

Что сам Пестель произведет возмущение в различных местах государства, этого мы не говорили и не могли сказать; для этого надобно, чтобы мы уверены были, что полковник Пестель играет первое лицо по мере в этом обществе, чего мы никак не полагали; — и кто в самом деле играл главные тут роли, до сих пор не ведаю, напротив, думали, что, вероятно, есть кто-нибудь гораздо значительнее Пестеля, о чем догадки свои не⁶ скрывали // (л. 26) и перед посторонними. Говорили же, что в это время, то есть после кончины блаженной памяти государя императора, легко может произойти что-нибудь важное в России и вообще какая-нибудь перемена в правлении. Эту мысль или по крайней мере опасение разделяли с нами и самое начальство, как было видно из его действий. Люди, не имеющие достаточного понятия о различных родах правления, обыкновенно называют всякое, кроме существующего, Рес-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Шесть строк от слов «встретился я с штаб-лекарем Вольфом...» отчеркнуты карандашом. На полях против них карандашом помечено: «Вольф».

³ Четыре строки от слов «рад и бил, впрочем, не слишком...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Слова в скобках «впрочем, насколько могу» вписаны над строкой.

⁵ Четыре строки от слов «известии, он мне...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁶ Далее зачеркнуто: «не».

публиканским, почему и полагаю, что¹ подпрапорщик Федор Заикин не довольно точно выразился, ибо это название, как я помню, в разговоре с ним едва ли упоминалось. Я и сам не ведаю, какое могло произойти, если бы что случилось в России. Когда бы меня несколько Пестелей уверяли, чем им угодно, что произойдет именно то, которого им хочется, то я бы им не поверил, ибо эти вещи делаются в мире не как кто хочет, а как Бог велит, который сам располагает происшествиями мира и которому никто из людей ни указать, ни воспротивиться не в силах. Наше дело ходить только пред ним во правоте сердца во всех случаях жизни, как бы они ужасны ни были, елико можем. Если и подпоручик Заикин подтверждает в точности то же, то и он не соблюл совершенной точности в показании; впрочем, что мы знали, относительно этого, то и он знал — все трое — ни более, ни менее, да и все сведения чрез него дошли и через Крюкова 2-го, и когда мы вместе с ним были с Федором Заикиным, то он более говорил с ним, как с братом, нежели мы. Пестелевы же направления точно к Республиканскому правлению².

К сведениям еще присовокупить я должен, что, когда поручик Крюков 2-й, ездивший к полковнику Пестелю³, как мне помнится, с известием о том, что должно случиться что-нибудь важное и, может быть, для нас очень опасное, ибо генерал-адъютант Киселев, господин начальник штаба 2 армии, внезапно уехал куда-то, чем удивил всех. Заключили мы это, то есть об этой опасности, вот из чего, мне помнится. Именно, кажется, через графа Александра Витгенштейна узнали, что он ему сказал: «Nous aurons beaucoup de fils à retordre»⁴. К тому же известил его, кажется, и о том, что его сиятельство главнокомандующий заметно переменился с князем Барятинским, что и понудило, вероятно, полковника Пестеля отправить бумаги свои⁵ // (л. 26 об.) к Мартынову. Когда, говорю, поручик Крюков 2-й воротился, то он тотчас же зашел со мною ко мне на тульчинскую квартиру, около которой мы встретились. Я спросил у него: «Где ты был так долго, мы думали, что тебя схватили уже вместе с Пестелем?» Он мне отвечал, что был послан от полковника Пестеля к Муравьеву. Какой его точно⁶ чин, не знаю. «К какому? — «Я сам его в первый раз видел!» — «Куда? В Васильков? Что же там такое, чай, они не весьма рады твоему известию?» Он мне сказал на это, что Муравьев этот в таком расположении, что хоть сейчас в поле, что сказал ему: «У нас ничего не бойтесь, говорите все и при всех; я вам это докажу». После чего вывел его перед какою-то командою и спросил: «Ребята! Пойдете за мною, куда ни захочу?» — «Куда угодно, Ваше высокоблагородие!». И еще, что он не дастся, если его и брать будут. Что показывало опять, что он этого опасается⁷. Вот что я от него тут услышал. Еще не мне, но, кажется, через него же дошло известие, и едва ли не через барона Черкасова я узнал, что какие-то два батальона, составленные из лейб-гвардии Семеновского полка солдат, в Черниговском ли они полку или где инде находятся, того не знаю точно, почти⁸ в таком же расположении

¹ Две строки от слов «о различных родах...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Две строки от слов «Заикиным, то он более говорил...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Слова «поручик Крюков 2-й, ездивший к полковнику Пестелю» подчеркнуты карандашом.

⁴ Перевод: «Нам предстоит решить много трудных задач» (франц.).

⁵ Десять строк от слов «мне помнится с известием...» отчеркнуты. Против них на полях карандашом помечено: «Крюков 2-й».

⁶ Слово «точно» вписано над строкой.

⁷ Двенадцать строк от слов «где ты был...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁸ Слово «почти» вписано над строкой.

духа. Вероятно, правительству это давно уже¹ известно. Но все это, как вы изволите видеть, я да, кажется, и все, узнали уже тогда, как всякую минуту опасались, что мы будем схвачены; притом и это я не почитал никак не только достаточными силами, но совершенно ничтожными, чтобы произвести что-нибудь, если не крылось чего-нибудь еще важнейшего. И если они только на это надеялись, тогда как уже правительство давно существование общества известно, следственно оно без сомнения приняло все свои меры, то одно отчаяние могло их заставить так думать. И если я почитал что опасным, так это внезапную смерть блаженной памяти государя императора и род междоусарствия, затем вышешедшее, которое по крайней мере было для нас во 2 армии, ибо известие о присяге государю цесаревичу Константину Павловичу долго не приходило. Сии случаи, быть может, думал я, // (л. 27) не привели бы в движение многие пружины в государстве, может быть, таящиеся, ибо, кроме того, что я знал, самые меры правительства заставляли думать не меня, но и многих посторонних, что оно опасается чего-нибудь; к тому же случаи мира неисповедимы, и не от чего-либо тайного, но и от явных сословий могли произойти по крайней мере какие-нибудь представления, если существуют какие-нибудь нужды или неудовольствия. Известие с подпоручиком Заикиным, известие о болезни и смерти блаженной памяти государя императора и возраставшие наши опасения, усугублявшиеся происшествием подпоручика Юрасова², о котором мы несколько времени полагали, что он не доносить ли ходил, и после уже от докторов уверились, что он точно в сумасшествии, и, впрочем, все мог навести еще большее подозрение, так впоследствии вскорости друг за другом, что тут оставалось только ожидать того, что богу угодно будет произвести. Вообще, начиная от самого отъезда Крюкова все почти время было для нас временем³ самых грустных ожиданий и никак не приготовлением к каким-либо действиям, которых успеха⁴, по крайней мере в моих глазах, ничто не могло надеяться, опять повторяю, кроме разве безрассудного отчаяния таких людей, которые надеялись бы несбыточного или всего скорее хотели бы⁵ умереть на штыках, как намеревался помянутый Муравьев⁶. Если можно было чего-нибудь ожидать от этого общества, то разве в других местах, где все полагали главную, впрочем, небольшую его силу, а то, что подле нас⁷ — малою его частью и одну только ее полагали в опасности⁸, ибо мы в Тульчине не знали, донесено ли на прочие оно части; все же известия или опасения доносов относились к этой стороне. Генерал Юшневский также уверял меня⁹ около этого времени, что полковник Пестель обольщает всех, представляя достаточность сил¹⁰ и непременно долженствующего наступить действия; также и штаб-лекарь Вольф уверял¹¹, что он [Пестель] более ничего не сделает, как погубит только всех нас ни за денежку, если кто по опрометчивости послушает. На это я отвечал, что я этому весьма верю и что

¹ Пять строк от слов «барона Черкасова я узнал...» отчеркнуты карандашом. Против них на полях помечено: «Солдаты».

² Слова «подпоручика Юрасова» подчеркнуты карандашом.

³ Слово «временем» вписано над строкой.

⁴ Слово «успеха» вписано над строкой.

⁵ Слова «хотели бы» вписаны над строкой.

⁶ Слова «намеревался помянутый Муравьев» подчеркнуты карандашом.

⁷ Далее под строкой было писано и потом зачеркнуто слово «полагали».

⁸ Слова «и одну только ее полагали в опасности» вписаны над строкой.

⁹ Слова «Генерал Юшневский также уверял меня» подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Три строки от слов «относились к этой стороне...» на полях отчеркнуты карандашом.

¹¹ Три строки от слов «полковник Пестель обольщает всех...» подчеркнуты карандашом.

я и другие свитские офицеры¹ // (л. 27 об.) дали знать князю Барятинскому через Крюкова, чтобы он никак не сообщался с нами, как разве посредством Крюкова 2-го, если что будет нужно сделать относительно нашего общения².

Вообще, относительно силы общества вот все, что я ведал. Знал, что оно составилось каким-то образом из какого-то Общества благоденствия, число которого не знал; какого числа было общество, вновь составившееся, также долго не знал³; наконец, при сведении о «Русской Правде», что вы изволите увидеть после, узнал, что в нем около трехсот человек, но не на верное, ибо я никогда не доверял полковнику Пестелю и был уверен опытом, что он, смотря по обстоятельствам, прибавляет и убавляет. Таковое число почел я каплею в море, и с тех же пор, то есть года за полтора или несколько более, начал весьма сомневаться, чтобы из этого что-нибудь произошло, кроме того, что это наведет вскоре на нас со стороны Правительства гибель, а со стороны света то, что нас почтут просто за шалунов, мальчишек. Мысль эта, вертевшись у меня в голове, и произвела то, что она вырвалась у меня для предложения подпрапорщику Федору Занкину⁴. В самом деле, я достаточно читал, для того чтобы думать, что в эдаком необъятном пространстве, какова Россия, могло произвестись что-нибудь такое малое число, и притом раздетое в разных сторонах, и вообще полагал всегда, что одна партия в большом государстве не произведет ничего и никогда; если произошел известный переворот, например во Франции, то я причитал это всегда тому, что многие различные силы, по допущению Провидения, от времени скопившись, произвели этот вулкан. В России полагал, что если может произойти что-нибудь также, то разве эдаким образом, и вообще почитал это общество не иным чем, как партией, соединившеюся для того, чтобы в случае нужды не оставить действовать какую-нибудь нестройную толпу, в чем еще более утвердился // (л. 28) одним разговором с полковником Пестелем. Я именно говорил ему: «Признаюсь вам, что я опасюсь, не произвело бы это одного вреда». Он мне на это отвечал почти следующее: «Да ведь все же равно, должно же произойти что-нибудь, лучше же быть загодя и в порядке к тому готовым». Относительно силы общества около времени розысков⁵ я знаю только то, что не в давнем от того времени пронесся глухой слух, что общество в других местах, особенно в гвардии, возрастает очень успешно.

Относительно показания князя Барятинского⁶ что-то подобное мне помнится, но не могу сказать точно, если он не припомнит мне каких-нибудь местных обстоятельств и случая, через кого велел он объяснить это Пестелю. Не имеет ли это некоторого отношения, его неудовольствие, к неудовольствию на него генерала Юшневского⁷.

Теперь пробегу историческим порядком все то, что имеет отношение к этому обществу с самого начала.

Во-первых, я должен сказать, что в первых моих ответах относительно тайных обществ, существующих в России вообще, я сказал, что ничего

¹ Четыре строки от слов «и штаб-лекарь Вольф уверял...» отчеркнуто карандашом. Против них на полях помечено: «Вольф».

² Четыре строки от слов «дали князю Барятинскому...» отчеркнуты карандашом. Против них на полях помечено: «Крюков 2-й».

³ Три строки от слов «Знал, что оно составилось...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «подпрапорщику Федору Занкину» подчеркнуты карандашом.

⁵ Четыре строки от слов «бы это одного вреда...» отчеркнуты карандашом. На полях против них помечено: «Пестель».

⁶ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁷ На полях против шести строк от слов «Относительно показания...» карандашом написано «Барятинский».

не знаю, и точно ничего достоверного не знаю и доказать формально ничего никак не могу. Почему я тогда и не сказал ничего об этом. К тому же и размышляя с самим собою о том, должен ли я говорить нечто мне известное или нет, если что по нему в самом деле откроется, то не¹ буду ли я чрез то посредственною причиною несчастья многих семейств, которые будут оплакивать сыновей, братьев, мужей и отцов, вовлеченных во что-нибудь вихрем обстоятельств, которым каждый из нас служит игралищем, сказав оное в таком случае или положении, когда это для меня лично сказать полезно. Впрочем, если я теперь не скажу, то, может быть, и никогда не скажу, ибо я чувствую, что силы мои со дня на день исчезают и что я таю, как тает воск от опаляющего зноя постигшего меня бедствия, за которое, впрочем, никак не ропщу на провидение, но благодарю творца, всемогущего бога, ибо надежды свои простираю за пределы сего ничтожного мира, где бедствия будут полезнее радостей и славы // (л. 28 об.) и которое, впрочем, до конца надеюсь перенести, не дошед до отчаяния, ибо господь, не оставивший меня во время моей жизни, еще более не оставляет в моей душевной темнице и в тех веригах, которые ношу на себе за пощадку моего ближнего, не спорю, что излишнюю и безрасчетную для себя, и за привязанность к друзьям, из которых обязан некоторым жизнью, другим — более, нежели жизнью, ибо, например, подпоручик Заикин возвратил мне более, нежели жизнь; он своим братским попечением вывел меня из такого припадка меланхолии, которая вела меня прямо к сумасшествию и была несравненно мучительнее ожидания приближающейся смерти. Не объявил их тогда, как они никакой возможности повредить не имели; многие уже задержаны были правительством, других душа моя не могла решиться с первых порывов² предать, быть может, на бедствие целой жизни, связанной с теперешним происшествием по³ последствиям и под единственным почти⁴ предлогом личного облегчения собственной⁵ участи, как мне казалось.

Итак, надеюсь, что высочайше учрежденный Комитет примет мои слова не как донос, а как простое известие, которым воспользоваться или нет остается в его власти, я должен рассказать здесь одно обстоятельство моей жизни, которое, может быть, послужит к какому-нибудь новому открытию относительно тайных обществ.

Я воспитывался сначала дома, потом в Московском университетском благородном пансионе, где на счету был [из] лучших и получил почти все тамошние награждения, кроме одного — не успел быть написан на доске, что может засвидетельствовать тамошнее начальство, и не относительно одних познаний, но и относительно поведения. Там же был некто, произведенный вместе со мною в студенты университета, Александр Мансуров⁶, мальчик с дарованиями, с нравственностью и с чувствами религии. Он и теперь известен несколько // (л. 29) в литературном свете, ибо его стихотворения, почти все несколько в религиозном духе, можете найти в журналах московских, а может быть и петербургских; ныне, думаю, он если не в отставке, то служит по какой-нибудь части статской службы. Вышед из этого пансиона и вступив в училище колонновожатых для лучшего познания математики и начатия службы, откуда произведен в офицеры по экзамену также из первых, я несколько раз был у него и, бывши знакомы и прежде, знали многие из наших мнений и

¹ Семь строк от слов «Во-первых, я должен...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Слова «с первых порывов» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «своим».

⁴ Слово «почти» вписано на полях перед строкой.

⁵ Слово «собственной» вписано над строкой.

⁶ Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

случае сказал бы он просто: «хочешь ли вступить в масонскую¹ ложу?», что обыкновенно говорят, как я слышал, ибо масоны действия свои сокрывали, а имени — никогда. Все это происшествие по давности времени помню я, как сон, однако же, это — не сон, а действительно было. Действительность сего вот что еще подтвердить может. Однажды, мне помнится, мимоходом говорил я об этом полковнику Пестелю² в Тульчине, в заездной корчме. Именно изъясняя ему сколько возможно осторожнее трудность успеха того общества, в котором находился, я сказал: «Впрочем, может быть, судьбою в самом деле назначено, чтобы произошло что-нибудь в России, ибо я вам скажу, что я знаю, что существует и еще тайное общество, а, может быть, и два». Кажется, упомянул и Александра Мансурова³. Извольте³ спросить у него, может быть, он это и припомнит. К тому же, помнится мне, я тут прибавил, что, вероятно, и масонские ложи не совершенно истреблены, о чем даже точно носились слухи в России, когда я был в отпуску в последний раз, — по крайней мере подозрения. Может быть, не сказал ли я когда-нибудь об этом и брату⁴. Происшествие это имело большое влияние и на то, что я вступил в то общество, в котором находился, обратя еще более мое внимание на тайные соединения. Я подумал, что существуют масонские ложи, которых действия сокрыты, существуют еще два общества, а может быть, и более; наконец, вот еще общество *военное*, а потому я мыслил и после держался этой мысли, что если те, которые желают одного блага отечеству, без всякого своекорыстия, хотя бы оно и было прикрыто обольстительною одеждою честолюбия, и притом те, которые уважают святую нашу веру, если те, говорю, будут устраняться тайных обществ, которые рано или поздно, но могут и воздействовать, то выйдет, наконец, что на сцене появятся одни бездельники и люди без всякой религии, которые наварят такую кашу, что веками не расхлебаешь, и по равнодушию или даже презрению к религии истребят всякую святыню, как то и случилось во Франции, по крайней мере // (л. 30 об.) на время, ибо никакая земная сила недостаточна для того, чтобы истребить навсегда то, что рука божия на веки постановила, и если это бывает когда-нибудь, как, например, во времена Маккавеев и в новейшие, то по его же попущению для каких-нибудь важных последствий и, по моему мнению, всегда лучших относительно религии, дабы нравственно возблестала она в новой силе. Может быть, пример Франции и Европы доказал это. А дальнейшие происшествия мира и еще более, наконец, быть может, докажут. Эта мысль заставила меня думать также притом, что в этом случае устранение от тайных обществ будет только основываться на одном желании самосохранения, побуждение, которое в нравственности не должно быть допускаемо там, где в противном случае я могу быть полезен, действуя на умы в случае нужды, если возможно будет как-нибудь укротить их неумеренность или, по крайней мере, увеличить⁵ собою число людей благонамеренных. Вступил я в общество, не думая много о его цели, ибо в таком случае условие при вступлении почитаю я делом мечтательным, во-первых, потому, что намерение весьма легко удасться не может, ибо в этом случае нигде и никогда не дельзалось, что хотелось, во-вторых, и потому, что главные⁵ силы или лица никто не скажет, да редкий и сам знает, следственно, они весьма удобно могут проводить и обманывать и

¹ Слова «вступить в масонскую» подчеркнута карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слово «Извольте» вписано над строкой.

⁴ Фраза подчеркнута карандашом.

⁵ Одиннадцать строк от слов «от тайных обществ будет...» на полях отчеркнуты карандашом.

мало-помалу привести совсем к другому концу, если не остережешься, как то, я слышал, и делалось в масонских ложах, которые, начав христианством, кончали безбожием. Честность и неиспорченность поручика Басаргина я не только не подозревал, но был уверен в них; о правилах его относительно религии точно не знал, но по крайней мере никак не думал, чтобы он держался правил атеизма, да он их и не держался, по крайней мере тогда¹. Принят заездом из м. Немирова, где находился на съемке подольской, где и отречение подписал (на съемке я был почти два года)², никого почти лично в Тульчине не знал, через несколько времени взят в Тульчин, но долго не знал многих, по крайней мере хорошо, даже и поселившись в Главной квартире, тем более, что жил во все время большею частию и почти // (л. 31) безотлучно в деревнях, в с. Клебани и потом в с. Кирнасовке, к чему обязывала меня моя должность. Долго, говорю, не знал я многих членов, наконец мало-помалу узнавая их и знакомясь, к несчастью, увидел, что некоторые из них и самые важные увлечены заблуждениями атеизма (из квартирмейстерских офицеров только один, все прочие более или менее имеют уважение к религии³ и, следуя совести своей, не позволяли себе восставать против оной) и даже посредством способностей своих и веса имеют непосредственное и приметное влияние на всех в Тульчине и не находящихся в обществе, особливо молодых, неопытных, каков был тогда, например Крюков 2-й, или недостаточно еще обдумавших многие вещи, а других если не преклоняют к атеизму, то по крайней мере мало-помалу изглаживают в них все благие впечатления религии, оставшиеся от домашнего воспитания, которые кто же беспристрастный человек не ведает, имеют влияние на все. Этому (я обязан теперь говорить правду)⁴ непосредственно невольным и неприметным для себя образом, известностью своих мнений, не разговорами, содействовало, особенно сначала, и одно лицо, очень важное по влиянию своего места, которое не находится в обществе, но которого религия весьма подозрительна; я не назову его и не имею никакой надобности⁵ показывать на лица. Можно сказать, что этот дух, просто деизм или по крайней мере равнодушие, были господствующими в Тульчине вообще, несмотря на внешность и обряды, к которым принуждала политика начальства и отечественные постановления⁶. Я боролся с ним почти четыре года, всегда, где только приводил случай, обороняясь и предохраняя кого только мог; это многим тульчинским должно было быть заметно, разумеется, могло быть замечено только теми, которые уважают религию, хотя несколько или по крайней мере не имеют к ней внутреннего пренебрежения, и притом в состоянии замечать; оно мне стоило жестоких испытаний, и один бог в силах был сохранить его мне до сих пор целость веры, которая весьма могла потерпеть от частых прений, какие мне случалось иметь, особливо сначала, пока я не утомил противников // (л. 31 об.) постоянством и терпением. Противники мои в насмешку про меня говорили, что я хочу быть начальником секты, новым Магометом, когда же религия упала совершенно и на веки, между тем как я не хотел ничего более, как непременно обратить внимание

¹ Слова «по крайней мере тогда» вписаны над строкой.

² Слова в скобках вписаны над строкой.

³ Одиннадцать строк от слов «религии точно не знал...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Семь строк от слов «в обществе, особливо молодых...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁵ Строка «подозрительна, я не назову его и не имею никакой надобности» первоначально была отчеркнута карандашом, а затем помета стерта.

⁶ Четыре строки от слов «показывать на лица...» на полях отчеркнуты карандашом.

вообще¹ всего тульчинского общества на эти нелепые толки с стороны² невыгодной и неблагоприятной. Борьбу эту, между прочим, засвидетельствовать могут³ квартирмейстерской части поручик Прибытков⁴ и подпоручик Лопухин⁴, находящиеся на хотинской съемке, и той же части поручик Новосильцев⁴, находящийся в Москве, которые не состоят в обществе, если вы изволите убедить их, не щадя лиц, говорить сухую правду. Там, где откроются помышления человеческие, где историю сердца можно будет читать всякому безошибочно, там, говорю, может увериться всякий, что я сердечно и сильно познал существенную истину святой нашей веры не очень⁵ задолго до отъезда моего во 2 армию, как бы рука провидения сотворила это нарочно для того именно, что предвидела, в какой опасности буду я вскорости; без того, вероятно, и я бы сделался почти атеем, а за мною, быть может, и многие другие. Снисходя некоторым меньшим мнениям, дабы убедить в истинах важнейших, от которых и другие исправиться могут, я в продолжение такого долгого времени⁶ по человечеству и неприметно для себя, быть может, привык к некоторым, относящимся до земли, и невольным образом мог увлекаться временно и порывно, но основание, особенно относительно мнений, относящихся до неба, думаю, никак не поколебалось благодаря всемогущему богу.

Что касается до общества, то самая политическая цель его, естественно, меня должна была беспокоить и заставляла любопытствовать, сведение же о такого рода правилах совершенно меня испугало и заставило проникнуть в него глубже. Почему узнавши полковника Пестеля, который, впрочем, не атей, я заметил, что он⁷ имеет непосредственное и невольное влияние на многих по своим способностям умственным, в которых отказать ему не могу, хотя притом и не доверяю ему, и притом заметил также, что он всех менее хладнокровен к существованию общества, почему и начал догадываться, что он играет какую-нибудь роль значительную; это заставило меня стараться⁸ пододвинуться // // (л. 32) к нему, именно приноравливаясь, сколько возможно, к тем мнениям, которые он старался распространить в членах; мало-помалу я достиг наконец того, что он мне признался, что ему⁹ и еще каким-то пятерым, которых никак не хотел назвать¹⁰, поручено обдумать законоположение, каждому с своей стороны, и что он пишет свое. Я спросил его, не может ли он показать мне из него хотя что-нибудь, именно для того, чтобы узнать из этого вернее, в каком духе это общество и особенно¹¹ относительно религии. Он мне на это сказал, что, приехав в другой раз, привезет начало для того, чтобы показать генералу Юшневскому¹²;

¹ Слово «вообще» вписано над строкой.

² Четыре строки от слов «меня говорили, что я хочу...» первоначально были отчеркнуты карандашом.

³ Слово «могут» вписано над строкой.

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Слово «очень» вписано над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто: «я».

⁷ Две строки от слов «испугало и заставило проникать...» отчеркнуты карандашом.

⁸ Слово «стараться» вписано над строкой.

⁹ Слова «достиг, наконец, до того, что он мне признался, что ему» подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Слова «каким-то пятерым, которых никак не хотел назвать» подчеркнуты карандашом.

¹¹ Пять строк от слов «и еще каким-то пятерым...» на полях отчеркнуты карандашом.

¹² Фамилия подчеркнута карандашом.

потому, сказал он мне, что он, не занимаясь особенно литературою, может написать не все гладко, что Юшневский может поправить, и тогда могу посмотреть. Это выговорил он мне, как мне по всему казалось, для того, чтобы выказать свою ненадменность и небольшое о себе мнение — бескорыстие, беспристрастие и умеренность приметно старался он выказать особенно перед свитскими офицерами вообще. Вскоре, это было, кажется, года за полтора тому назад или и несколько более, он и в самом деле приехал, остановился у князя Бярятинского; я зашел туда, и он мне показал начало этого своего сочинения под названием «Русская Правда». На самых первых страницах, где пишет он об обязанностях человека, он вдруг говорит мне об одном месте: *«Здесь, мне кажется, не достаёт примера»*. Я, желая узнать, с каким видом он примет религиозное мнение, дабы судить потому, имеет ли он если не религию, то по крайней мере несомненное политическое уважение к религии, говорю ему: *«Мне кажется, что здесь очень прилично поставить вот это»* — и сказал ему текст, служащий главным основанием христианской веры; он мне на это поспешно отвечал: *«Это правда, впишите это своею рукою»*. Я не смекнул тотчас делом, написал и через несколько минут уже догадался, что это были сети, расставленные мне для того, чтобы лишить меня возможности донести, что у него имеется такого рода сочинение. Этого мало. Дабы связать¹ меня еще более, на другой, кажется, день поутру — я также застал его у князя Бярятинского — и он мне вдруг говорит: *«Я имею нечто вам предложить, напишите мне, пожалуйста, свое мнение о квартирмейстерской части, собираясь, толкуя // (л. 32 об.) с своими свитскими товарищами»*. Это предложение, поистине говорю, мне весьма не понравилось, но я скрыл свое неудовольствие, дабы не навлечь на себя подозрения и не вооружить на себя еще более некоторых, а через них и многих посторонних, которые мою привязанность к религии и так причитали к тому, что я помешался на этом пункте — явно мне даже это говорили; лиша же себя доверенности еще с этой стороны, я должен был отказаться и от всякой возможности преклонить когда-либо и кого-либо к чему-нибудь доброму в каких бы то ни было отношениях, в чем я не терял надежду относительно всякого и по крайней мере относительно молодых, ибо сердце человеческое переменчиво и преклонно не только в молодых или полного возраста летах, но существуют многие примеры, что и закоренелые старики нравственно менялись к лучшему, а спаситель при самой даже смерти принял прямо в рай самого разбойника.

Итак, говорю, чтобы не потерять совершенно к себе доверенности, я отвечал ему: *«Хорошо, постараюсь»* — и он мне тут же рассказал некоторые главные насчет этого пункты, совершенно почти сходные с тем, что и в самом деле существует, с некоторыми только ошибками, потому что он нашей части хорошо не знает. В этот же день на улице, говоря об этом брату, сказал я ему: *«Знаешь ли ты, для чего он это сделал, он хочет нас скрутить со всех сторон и привязать к себе квартирмейстерскую часть покрепче. Я понимаю эту птицу»*. Он мне говорит на это: *«Напрасно ты написал своею рукою и у него в тетради»*, — ибо он знал, что я это сделал. Я отвечал, что и весьма напрасно, да уже нечего делать: *«Я и опомнился, да было уже поздно»*. Полковнику же Пестелю при свиданиях говорил: *«Начал, напишу, но все, право, столько занятий, что никак не было времени»*. Это именно говорил я ему в дому у генерала Киселева, в зале, на софе, после разговора с ним о смерти капитана

¹ Шесть строк от слов «служащий главным основанием...» на полях отчеркнуты карандашом.

Филиповича, которая случилась весной прошедшего года, следственно, слишком полгода после его предложения, которое было сделано в середине лета; итак, я бы очень имел время написать, если б хотел, ибо для того, что делают с охотою, время всегда найти можно, характер же мой никак¹ не ленивый. А в последний раз или два раза его приезда в Тульчин я именно и не пошел к нему и не видался с ним, хотя и знал, что он приехал, именно // (л. 33) для того, чтобы избежать лишних вопросов. Впрочем, дабы не обличиться во лжи, если бы случилось, что он попросит у меня посмотреть начало и мне необходимо должно будет его показать, и так как это относилось и до занятий той части, которая прямо до меня касалась и которую мне самому хотелось обдумать подробнее, для того чтобы точно быть уверенным, что я ее знаю со всех сторон, я и точно было начал и написал страниц восемь или девять, именно: 1) статью² коротенькую, где изложил общий предмет действий квартирмейстерской части, и 2) начало общей теории рекогносцировок, то есть что надобно замечать особенно при распознании края и местоположения, — но мысль, что это начато по предложению Пестеля и имеет некоторое отношение с обществом так меня беспокоила, что я бросил эти страницы в свою шкатулку, где они долго лежали и даже до последних розысков. Что их точно было очень немного, извольте спросить об этом у брата, которому я показал их тогда, как начали в Тульчине забирать бумаги, говоря: *«Как ты думаешь, хотя тут, кажется, и ничего нет подозрительного, но все не лучше ли истребить?»*. Он мне отвечал: *«Мне и самому тоже кажется, но все лучше — сожги»*. Я в самом деле и сжег³. Ибо надобно сказать, что⁴ по начатии розысков не только члены, но и вообще все посторонние тотчас начали осматривать свои бумаги, дабы не навести на себя подозрения какою-нибудь безделицею. Еще это доказать может вот что: когда поручик Крюков 2-й приехал и рассказывал мне об Муравьеве то, что я показал, то я тут сказал: *«Вот как! Видно, их дела спеют скорее нашего, мое мнение о квартирмейстерской части, которое просил меня написать Пестель, и теперь еще не написано»*. Он у меня спросил: *«Зачем же ты не написал?»* Я отвечал⁵: *«Да так, братец, времени не было, все некогда!»* Эти два обстоятельства, особенно первое, в самом деле меня связали совершенно, так что мне никак нельзя было выйти из общества, ибо рука моя все бы осталась, хотя в последние особенно полгода мне весьма этого хотелось, даже хоть посредством отставки или каким-нибудь другим образом, что можно увидеть из следующего. Я именно в последних месяцах, не помню где, сказал брату⁶ едва ли не вслед за теми его⁷ // (л. 33 об.) словами, которые я выше пересказал, что теперь еще так и быть, что ни будет со мною, будет воля божия, но если бы мне случилось жениться, то я уже ни за что не останусь в этом обществе, хоть расставь меня по свету чем хочешь.

Относительно того, что «Русскую Правду» не почитал я сочинением, принятым в обществе как законоположение, доказательством послужить может, во-первых, то, что полковник Пестель сам мне это сказал, сказав

¹ Слово «никак» вписано над строкой.

² Слово «статью» подчеркнуто карандашом.

³ Слова «Я в самом деле и сжег» подчеркнуты карандашом.

⁴ Девять строк от слов «некоторое отношение с обществом...» отчеркнуты карандашом. Против них на полях помечено: «Пушкин»

⁵ Слова «Я отвечал» вписаны над строкой.

⁶ Слова «в последних месяцах не помню, где сказал брату» подчеркнуты карандашом.

⁷ Против строки «не помню, где сказал брату; едва ли не вслед за теми его» карандашом помечено: «Пуш[кин]».

именно, что еще пятеро занимаются тем же¹. Во-вторых, вот какое обстоятельство²: после того, как я об ней узнал или прежде этого, хорошо не помню, я услышал, что в Тульчин прислали какое-то другое сочинение в этом же роде, я полюбопытствовал его видеть, мне сказали, что это можно сделать, и именно поручик³ Крюков 1-й⁴ показал мне его, и я прочел страницы две, по какому случаю, более не упомяну; сочинение это было, как мне помнится, гвардейского Генерального штаба⁵ капитана Никиты Михайловича Муравьева⁶, сына покойного попечителя Московского университета и известного сочинителя Михайлы Никитича; лично его не знаю, по крайней мере он меня не знает; я же его видел один раз в жизни в Москве, бывши колонновожатым; прислан был от генерала Муравьева⁴ вместе с поручиком Лачиновым⁴, который также был колонновожатым, чертите под его начальство планы московского парада. Он стоял тогда вместе с известным стихотворцем Батюшковым, что мне особенно его напоминает. Сочинение это, я слышал, по каким-то причинам было отвергнуто в стороне 2 армии. Тетрадка эта была листов в 15, не более, если еще и не менее⁷. К известиям присокупить также здесь можно, что по некоторым словам полковника Пестеля я догадывался, что у главных сего общества находится некоторая связь с Польшею, где после слухов о виленском происшествии относительно тамошних студентов, начали подозревать нечто важнейшее, нежели⁸ шалости студентов — не члены, а вообще те, которые замечают мирские вещи.

Кроме доказательств совершенно религиозных, при доводах моих, когда мне случалось доказывать истину христианской веры, средство, которое употреблял я с теми, которые // (л. 34) слишком были уверены в своих политических мнениях, и притом даже думали⁹ одни, что религия ничтожна, другие, что она даже вредна, не с одними членами, но и с посторонними, где случалось было соглашаться, что могут быть точно различные роды правлений, ибо они в самом деле были и есть, что по местности и времени могут быть один лучше другого, но что все образы правлений вообще без нравственной силы, для которой полезны были даже языческие веры, — не только христианская, показавшая чистейший источник нравственности, — ничего сами по себе хорошего сделать не могут, что если эта сила на земле исчезнет, я и теперь по совести говорю перед богом, то я лучше соглашусь бежать в самый ад, ибо там по крайней мере до второго пришествия Христова страдают только душевно, а и не телесно, притом и, напротив, что при совершенном развитии оной силы, если это на земле возможно, по крайней мере без особенного содействия божия, всякий из них делается хорошим, ибо правление и государство состоит из людей, которые, будучи хороши, и произведут все хорошее. Это всегдашнее мое мнение, которое старался я при случаях поддерживать, даже, говорю, и против некоторых не находящихся в обществе. На тот же предмет для удостоверения в непременной необходимости существования бога и будущей жизни я нарочно перевел

¹ Слова «именно, что еще пятеро занимаются тем же» подчеркнуты карандашом.

² Пять строк от слов «Относительно того, что...» отчеркнуты карандашом.

³ На полях против шести строк от слов «сам мне это сказал...» карандашом помечено: «Русская Правда».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Три строки от слов «Крюков 1-й показал мне...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁶ Имя, отчество, фамилия подчеркнуты карандашом.

⁷ Две строки от слов «причинами было отвергнуто...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁸ Слово «нежели» вписано над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «что».

из сочинений¹ аббата Кондильяка статью, показывающую оное, и другую, показывающую естественные начала человеческой нравственности, которые, особенно первая показали мне самым сильным доказательством для рассудка из всех, которые случаются мне читать в моей² жизни. Можно ее отыскать в моих бумагах, взятых у меня, я читал ее или готов был читать, кому только угодно было меня слушать. Впрочем, относительно доказательств религии я совершенно согласен с Паскалем, что надобно в рассуждения оной проникать посредством сердца в рассудок, а не посредством рассудка в сердце. Но я не смел и не смею ни у кого предполагать³ испорченность в сердце, а и самые заблуждения атеизма во многих приписываю неосторожному чтению // (л. 34 об.) книг, заключающих ложные мнения, которых сочинители, по (всей вероятности, были люди развратные, но их последователи) весьма быть могут и всегда почти завлечены блеском необыкновенности или остроты мнений, по крайней мере предоставляя всегда судить о том богу, почему и почитал нужным действовать и на рассудок.

Относительно моих коренных мнений около этого времени может дать вам понятие и следующее. *Извольте спросить*, у подпрапорщика Федора Заикина⁴, он почти дитя, следовательно, лгать не умеет. Недели за три перед кончиною или пред известием о кончине блаженной памяти государя императора я, сидя с ним один и пробежав местами Новый завет на русском языке, который я принес пред тем брату, просившему принести оный к нему, и который, надобно сказать, всегда со мною, я говорил ему, Заикину, убеждая его в наше время как можно более держаться религии (надобно сказать, что он мальчик с прекрасными наклонностями сердца), *что времена наши очень худые, что от них доброго ожидать ничего почти нельзя, ибо, говорил я, нравственность вообще никуда не годится, а неверие не только в Европе, о которой и говорить нечего, но и в России распространилось невероятным образом.* Причем и рассказывал ему к слову, впрочем, никак не ручаясь за справедливость, мнения известного Генриха Штилинга, что 1825 и 1826 год будут замечательны своими происшествиями, не весьма радостными, и что 1836, как он говорит, или время около этого года будет исполнено еще несравненных бедствий, что в самом деле говорит этот Штилинг и что я готов показать в его сочинениях. Род мнений моих, хотя и не в точности, может показать также и выбор переводных различных пиес, взятых с моими бумагами, а род воспитания и семейственных отношений — родительские письма. Других переписок у меня во всю жизнь мою не бывало.

Характер мой можно уразуметь, хоть несколько, из следующих двух обстоятельств. Во время этих розысков я зашел обедать⁵ к его превосходительству господину генерал-лейтенанту // (л. 35) Левенштерну, у которого часто обедал и бывал; там застал и поручика Крюкова 1-го, который находился⁶ там безотлучно, ибо незадолго перед тем [был] помолвлен на его дочери; разговор был натурально об этих происшествиях, и поручик Крюков 1-й сказал его превосходительству, как бы вы думали: *«Представьте, что и Пушкин, говорят, замешан в этой истории»*. Вот еще другое: в доме у госпожи Горленки⁷ мы кое-кто собрались вечером, и разговор коснулся до этого же происшествия. Госпожа Горленко мне

¹ Слово «сочинений» вписано над строкой.

² Шесть строк от слов «удостоверения в непременной необходимости...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Три строки от слов «я совершенно согласен...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

⁵ Слово «обедать» вписано над строкой.

⁶ Слово «находился» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «был».

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

вдруг говорит: «Как вы тут попали?» «Что же делать,— отвечал я,— *мудреного ничего нет; в мире все случиться может*». Этому, кажется, свидетелем могу поставить квартирмейстерской части поручика Аврамова¹, который, помнится мне, тут же находился.

После вышенаходящегося изложения всех членов объяснится теперь и то, что слова мои, написанные в прежних моих ответах генералу Юшневскому, что я могу не знать всех членов, были сушим предложением; надобно еще прибавить, что я именно прибавил еще к ним: «*Тогда только могу делать с ними что-нибудь заодно или и против них, по усмотрению, ибо я могу находиться в обществе, но принадлежу, несмотря на то, целому государству; если вступил — говорил я — в общество, то единственно имея в виду благо моего Отечества, и никак не соглашусь навлекать на него бедствия, может быть, без малейшего толку*». Это сказал я несколько с жаром и еще: «*Меня к тому ножами не принудят*».

Кажется мне, что я все и чистосердечно сказал, что знаю, и что можно поэтому видеть все оное, как в зеркале. В заключение со слезами и рыданиями прошу высочайше учрежденный Комитет из человеколюбия и великодушия быть моим ходатаем, облегчить мою участь, снять с меня то бремя, о котором просил я его превосходительство господина генерал-адъютанта Чернышева, и испросить у его императорского величества мне пощаду, снисходя к моему человечеству и в уважение, хотя некоторое, того, что я, несмотря на это несчастное общество, исполнял — по крайней мере, в совести уверен в том, что старался исполнять,— // (л. 35 об.) все мои должности по службе во все время, начиная с нижнего звания, с точностию, с возможным усердием и, может быть, с успехом, что, надеюсь, не откажет засвидетельствовать ни один из моих начальников, под командою которых постоянно и временно находиться мне случалось. Ни с одним из них, как мне кажется, не расстался я, не поселив о себе хорошего мнения, даже и с теми, при которых был я в короткое время, как, например, во время двух маневров у его превосходительства генерал-лейтенанта Удома и его превосходительства генерал-лейтенанта Корнилова. Да поступит всеавгустейший монарх наш со мною, как в евангельской притче поступил отец с блудным сыном и как милосердный бог, которого лицо на земле он представляет, поступает, по собственному его уверению, с кающимися грешниками. Еще одной милости на колених прошу также у высочайше учрежденного Комитета: позволить мне в продолжение этого поста исполнить долг христианский, то есть исповедаться и причаститься святых христовых тайн.

Поручик Бобрищев-Пушкин 1-й²
Генерал-адъютант Чернышев // (л. 36)

№ 9 (10)³

Высочайше учрежденному Комитету
поручика Бобрищева-Пушкина 1-го

Рапорт

В дополнение моих последних ответов беру смелость для полноты дела прибавить еще некоторые небольшие обстоятельства, которые в целом или в подробностях припомнил после, но которые, мне кажется, нужно

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Показания написаны Н. С. Бобрищевым-Пушкиным собственноручно.

³ В верху листа помета чернилами: «Читано 19 апреля».

приложить, дабы яснее представить картину Тульчина в последнее время и притом не оставить и относительно себя ни малейших из своих поступков в отношении к обществу без показания. Именно в последнем моем донесении одно обстоятельство я написал на поле мелкими буквами, потому что припомнил его после в таком месте, где по связи ему не следовало быть написанным, почему по недостатку места и не довольно ясно я его представил. Вот каким образом оно должно быть пояснено.

Впрочем, полковник Пестель точно сказал подпоручику Заикину мельком, не как поручение, что если бы начали они свои действия когда-либо, то в таком случае дело всех в Тульчине наблюдать, чтобы его сиятельство главнокомандующий и господин начальник штаба не скрылись и тайком не уехали, что в таком случае за проглядку мы будем отвечать им *головой*. (Если он в самом деле надеялся действовать, то, вероятно, предполагал он присылку какой-нибудь силы, без чего эдакого рода требование было бы верх безумия, к чему не в потерянном положении я его не почитаю способным). Это заставило меня собственно колебаться сначала, Впрочем, недолго, на трех мыслях: во-первых, на том, что, надеясь на ¹ достаточность сил для начатия своих действий, не предупреждает ли он нас мимоходом для того, чтобы ему было дано знать в самоскорейшем времени об отъезде господина главнокомандующего, дабы его сиятельство, отъехав в другое место, не успел скопить достаточных сил, которыми бы задавил их, как давят насекомых; во-вторых, что, полагая себя в крайней опасности, не хочет ли, воспользовавшись всеми возможными движениями человеческого сердца (ибо тут входить долженствовало и самый страх, поселяемый посредством угрозы его) втащить во что-нибудь того, кто его послушает, дабы, погибая, влечь за собой и всех, кого только может; в-третьих, что, потерявшись, сам не знает, что говорит, не сообразуясь с силами, ибо опять, говорю, что, по словам подпоручика Заикина, всякую минуту опасался он быть захваченным, почему не мудрено, если и потерялся. Это заставило меня, говорю, сначала колебаться на сих трех мыслях, пока вскоре совершенно не утвердился на двух последних, особенно на второй. Подпрапорщику же Федору Заикину, снова повторяю, не поэтому рассказывано было, по крайней мере мною. Это же самое вместе с известием о кончине блаженной памяти государя императора заставило некоторое время ожидать чего-нибудь в С.-Петербурге и на одну ² минуту думать, что и в нашем краю в самом деле не довольно ли они сильны и не пришли бы в Тульчин внезапно, покамест, говорю, хорошенько не рассмотрели дела. Это же самое вместе с известием о кончине блаженной памяти государя императора поддуло и князя Бярятинского принять // (л. 36 об.) вновь членов, кажется, двух, ибо едва ли поручик Лачинов принят не прежде этого, Впрочем, хорошо не знаю, пока, говорю, он не пришел в себя, как по собственному усмотрению, что суетится некстати, по опрометчивости и без всякого соображения обстоятельств, и также от юрасовской истории, которая и многих перепугала, после чего принятием последнего члена и прекратил он свои действия; все пришло в прежнее положение и если сходились, то по причинам посторонним или как люди, подверженные одинаковой опасности.

Что касается до меня, то эдакой решительной тон заставил в первые минуты ³ на всякий случай ⁴ взять вот какие меры, с первого порыва и почти одного вечера, который могу назвать порывом осторожности и которого основание в тогдашнем сомнительном положении было, быть мо-

¹ Слово «на» вписано над строкой.

² Слово «одну» вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «меня».

⁴ Далее зачеркнуто одно слово.

жет, небезызвинительно. Извольте меня выслушать, я не смею говорить беспристрастно, ибо сомневаться себе в этом не позволю, впрочем, не хочу скрывать ничего. Не объяснил я этого прежде, потому что оно связано с предыдущим, чего не мог я вполне объяснить по недостатку места. Сперва изображаю положение общественных дел, как я понимал их с своей стороны.

Его императорское величество блаженной памяти государь император скончался внезапным образом, чем, вероятно, изумил не только Россию, но и Европу; в прежней присяге было сказано: «Его наследнику, который назначен будет», но кто именно, не было сказано; первое отречение его высочества государя цесаревича относительно своих наследников, признаюсь откровенно, заставило меня не совершенно быть утвержденным, что его высочество вступит на российский престол, тем более, что пронесся даже глухой слух, что будто бы его сиятельство главнокомандующий вымолвил, что его высочество при роковом известии о кончине блаженной памяти государя императора сказал его превосходительству генералу Куруте, что он не примет престола; новой присяги после известия об оной кончине очень долго не было, то, что я знал относительно тайных обществ и положения России, присовокупилось ко всему этому и заставило меня полагать, что о будущих происшествиях решительного сказать еще нельзя ничего и что на всякий случай я не должен пренебрегать тою партией, которой по обстоятельствам до тех пор принужден был держаться и которой внезапный, решительный тон заставил на некоторое время подозревать, не усилилась ли она весьма особенно в С.-Петербурге, не предпринимают ли притом и другие какие-нибудь партии, почему я решился быть осторожным и принялся опять за свои листочки, о которых упомянул прежде, чтобы добавить их еще хотя несколько на скорую руку, и посвятил на это целый вечер — именно взял *Гремугура* и из него, переводя, к прежним 8 или 9 страницам прибавил еще несколько страниц все относительно же рекогносцировок; дело тут было не о красоте и доброте сочинения, а о величине тетрадки, которая вместо 9 страниц уже ¹ стала заключать в себе 18 или 20; увеличив ее таким образом, я опять ее бросил. Увеличить эту тетрадку просил было ² я также и брата, и подпоручика Заикина, но они, кажется мне ³, за это и не принимались; впрочем, если и принялись, то были тут совершенно моим орудием, ибо исполняли мою просьбу, произведенную минутным порывом минутного расчета, который изволите усмотреть ниже. Сделал я это именно для того, чтобы, если что-нибудь делается в С.-Петербурге, и партия эта получит некоторый вес, следственно, и полковник Пестель, то не навести бы на себя подозрения, что я не весьма-то ревностный его сорудник, если он вспомнит, что я во все время не принял ни одного члена (к чему без самохвальства почитаю себя в силах // (л. 37) при доброй воле), а притом и в одну даже четверть не исполнил его поручения в такое продолжительное время; вооружив же его на себя, я потерял бы во многих, по его влиянию на умы, и, следственно, лишил бы чрез одну неосторожность всех плодов той опасности, которой подвергался, имея в виду единственно общее благо, какому, смотря по обстоятельствам, содействовать буду должен без всякого своекорыстия и без всякого положительного пристрастия к каким-нибудь политическим мнениям. Бог меня надоумил не сжечь, не знаю почему, последние два листочка из этой

¹ Слово «уже» вписано над строкой.

² Слово «было» вписано над строкой.

³ Слова «Увеличить эту тетрадку просил было я также и брата, и подпоручика Заикина, но, кажется мне» вписаны между строк. Здесь вставка. Далее фраза дописана на полях.

тетрадки, которые, я думаю, в моих бумагах и теперь находятся, и я могу их отыскать; можно из них удостовериться, что они целиком взяты из *Гремуара*. Сжег же я прочие вместе с пестелевой руки¹ записочкой главных пунктов единственно потому, что в них, то есть в листочках², подозрительного было одна новизна названия, именно я написал: «Мое мнение о квартирмейстерской части или о части военного соглашения и размещений». Что же? Позвольте объяснить мне откровенно: неужели хладнокровно и без малейших расчетов при таковых сомнительных обстоятельствах в своем отечестве ожидать праздника атеизма или чего-нибудь подобного (этого гнусного *t'ête d'Atheisme*)*, который послужил довершительной печатью разврата Французской революции, произведенной нуждами и развратом предыдущих времен и доказательством, что могут произвести в мире одни люди без бога)? Неужели Провидение даровало мне рассудок и случаи чему-нибудь научиться, дабы я не старался употребить посильных дарований своих в пользу человечества, а потому и веры, где только замечу случай, и данный мне талант закапывал бы в землю? Я всегда полагал, что за неупотребление в пользу малейшего из даров, посланных нам богом, отвечать мы будем на суде его страшном. Я основываю это не на произвольной человеческой мудрости, но на чистых истинах христианского закона, в святом Евангелии излагаемых — что иное, кроме этого, подразумевать можно в притче о талантах?

Относительно мнений в Тульчине и моих собственно в эпоху между известием о кончине блаженной памяти государя императора и присягою его высочеству государю цесаревичу может дать понятие следующее. Зашедши к адъютанту Горленке, я ему говорю об одной кончине: «Какой внезапный случай! Кто бы это думал?» — «Да, — говорит он, — да и по сих пор нет еще указа о новой присяге. Эдакого продолжительного междуцарствия еще не бывало от самых времен императора Петра I или еще далее; не вышло бы чего-нибудь». Я ему отвечал: «Да, обстоятельства не слишком обыкновенные». Он мне на это: «Да и здесь бы чего не вышло». — «Нет, — отвечал я, — здесь я никак не думаю, но за Петербург не отвечаю».

Позвольте также приложить здесь одну стихотворную пиесу моего собственного сочинения, которую написал я еще в пансионе // (л. 37 об.) и которая была тогда напечатана в «Вестнике Европы» (следственно, этот документ несомнительный) для показания моего направления ума и сердца еще в молодости; чувства, в ней заметные, не только не ослабели, но еще усилились впоследствии. Это я делаю без всякого сомнения не для безумного стихотворческого самохвальства. Но для чего же без всякого вреда для другого в теперешнем моем положении не воспользоваться тем, что, мне кажется, может перед судом верно означить ту точку зрения, с которой надлежит смотреть на мой характер и вообще на³ мои наклонности?

В заключение я должен еще прибавить, что я совершенно уверен, что его императорское величество, всемиловитейший государь мой и высочайше учрежденный Комитет поступили со мною совершенно справедливо, — осмелюсь выразиться еще яснее, я чувствую, что, если бы мне случилось смутить кого-нибудь, то и я бы сам⁴ принужден был поступить так же; несмотря на то⁵, полагал, что, соблюдая во всей строгости правила

¹ Слово «руки» вписано над строкой.

² Слова «то есть в листочках» вписаны над строкой.

* «Праздника Атеизма» (франц.).

³ Слово «на» вписано над строкой.

⁴ Слово «сам» вписано над строкой.

⁵ Далее зачеркнуто: «я».

честности и человеколюбия, от которых опасности не должны увольнять нас, я, с своей стороны, по стечению обстоятельств¹ в этом деле поступать был должен так, как я поступал, несмотря на невыгоду оного. Очень быть может, что я ошибался (постороннему ошибки другого виднее), но что же мне делать, что мой глупый рассудок и мое сердце говорили мне: не выпутывайся на счет твоего ближнего и друга. Посему² в некоторое уважение моим не каким-либо порочным побуждениям во всем этом деле и притом взирая на раскаяние мое во всем, что найдется в поступках моих погрешительного, прошу опять высочайше учрежденный Комитет сжалиться надо мною.

Поручик Бобринцев - Пушкин 1-й³

Генерал-адъютант Чернышев

Может быть, вы, изволите думать, что в последних моих ответах я утаил известия с поручиком Загорецким и Рынкевичем, но уверяю вас, что я знаю только первое и заикинское — о болезни государя императора, прочим не знаю или не помню, и вообще, если чего не поставил, то или потому, что не знаю, или потому, что не помню, или потому, что не почитаю принадлежащим к делу и могущим только запутать его⁴, а⁵ не объяснить сущую⁶ истину. Что касается до того, что я ожидал того, что поступок мой самый начальный послужит⁷ вреду мне собственно, то это показал самый первый мой шаг; склонность же моя к признанию всего того, что до меня только касается, доказывает то, что я тотчас же сознался в том, что был принят в общество // (л. 38).

Лирическое стихотворение, напечатанное в «Вестнике Европы» под заглавием «Бессмертие»

Отрада доблестей! Надежда их и сила!
Бессмертие, возвысь во прахе голос мой!
Где тайная судьба твой трон соорудила,
Куда меня влечешь и властью какой?
Не ведая тебя, отсутственным пленяюсь,
Конец желаний всех, ты всюду предо мной.
В семейном ли кругу с друзьями утешаюсь,
Оставя ли труды, вкушаю я покой.
Повсюду новая мечта мечту сменяет,
Безвестность некая везде мой дух смущает
И в скуке следует. Куда? Не знаю сам!
Вотще шум радостный роскошных упоений,
Желанья тайного не усыпить пирам!
Пусть рой веселых наслаждений —
И смех, и игры, и любовь —
Летят под мой богатый кров.
Пусть яства ставятся другие
Мне изобилия рукой
И ходят чаши круговые —
Все дышит радостью одной,
Но удовольствия промчатся,

¹ Слова «по стечению обстоятельств» вписаны над строкой.

² Слово «Посему» вписано над строкой.

³ Показания написаны Н. С. Бобринцевым-Пушкиным собственноручно.

⁴ Слово «его» вписано над строкой вместо также первоначально вписанного над строкой и потом зачеркнутого слова «дело».

⁵ Слово «а» вписано над строкой.

⁶ Слово «сущую» вписано над строкой вместо зачеркнутого «всю».

⁷ Далее зачеркнуто слово.

Очарование пройдет,
Желанья снова возродятся
И рой веселия вспорхнет,
И я один грущу и воздыхаю
И снова радостей ищу,
И снова, обрета страдаю
[И] с неведомом грущу.

Стремлюсь за славою героев —

Она томленья утолит —

Лечу на поле грозных боев,

Лечу, и бранный гул гремит,

Перуны раздалися,

В огне пернатый шлем и щит,

И рати понеслися,

И конь под всадником вспылал.

Стеклась толпа с толпою.

Мой меч во длани засверкал

И Слава надо мною!

Но ах! Глас в сердце вопиет:

Остановись, сын праха,

Отрады полной не дает

И бой ценою страха. // (л. 38 об.)

Здесь честолюбие с венчанною главой,

В деснице скипетр — повелитель:

Беру его, гордясь, могучею рукой.

И я — вселенный властитель!

Но где же счастье, слепой Фортуны сын?

Власть — семья наших зол, хотя и неприметно, —

И света целого гремящий властелин,

Всех выше, но такой же смертный!

Ни там, где лавр цветет, ни в шумных торжествах

Блаженства прочного нигде не достигаю,

Ищу спокойствия, а скуку обретаю.

Так несвершаемых желаний на крылах,

Влекомая красой надежд без исполненья

К блаженству прочному душа моя парит,

И здесь ничто не утолит

Томящей жажды сей — к нетленному стремленья.

Бог смертного душой высокой одарил,

Сей искрой божества — сей искрою чудесной,

На миг ли жизнь дал с печалью повсеместной.

Нет! Перст пройдет во прах, но дух во веки жив!

Нет! Не исчезну я, как былие от зноя!

Господь создав, меня в бессмертие облек!

Так! Вечность наша цель, цель горнего покоя,

В который каждый час стремится человек!

Туда летит мое желанье!

Туда в сей дивный мир, где радость — вечный цвет,

Где сердцу слабому страданий больше нет,

Где сирому — покров, убогим — достоянье,

Где доброму — венец, пороку — наказание!

Так! Смертный плотию — бессмертен духом ты!

Отринь же тщетные мирские счеы!

Сын мрака! Сделайся достойным вечно света!

Достойным той руки, которая тебя

Из праха извела, исполнив духа силой,
Которая тебе поведала себя
И в жизни счастливой, и в жизни сей унылой,
В могуществе, в красе, в величьи чудных дел,
С верховным счастьем она беду связала,
Страданий поприщу назначила предел
И в добродетелях твой путь предначертала!
Отвергни суетность, владыкой будь страстей,
Пред тайной вечностью что замыслы людей? // (л. 39)

Сие минутное кипение во прахе?
И что вселенная пред тем, кто зрит с небес,
О ком вещает сонм бесчисленных чудес,
О ком сей звездный круг поведает во страхе?
Остановитесь, мечтания рабы!
Куда стремитесь вы в несчастном заблужденьи,
Ума и чувства в упоеньи,
Враги своей высокия судьбы?
Один, презрев грозу пучины разъяренной,
Плывет через моря за золотым песком,
Другой — в шуму торжеств, богатством ослепленный,
Забыл и божество в тщеславии своем,
Иной за почестями летит на пир кровавый,
А тот колеблет трон и рушит мир граждан.
Безумцы гордые! Что громы вашей славы?
Без добродетелей никто не оправдан!
Слепцы! Веселие, как молнья исчезает,
Блеснет *минутное*, увянет цвет красоты,
За всеми грозна смерть невидимо летает
И все — добыча здесь губительной косы!
Престола сильный обладатель,
Долины мирный гражданин,
Судья — неправоты каратель,
И воин — грозной брани сын,
Богач с надменною душою,
Убогий с нищенской клюкою —
Все смерти дань в себе несут.
Величье, нищета, гремящее название,
Бессилие и власть, невежество и званье
За гробовой доской один конец найдут,
И вечный судия, таинственный свидетель
Всех помыслов людей, не зрит на блеск пустой,
И небеса под кров приемлют свой
Тебя единую, святая добродетель¹ // (л. 40).

¹ Показания написаны Н. С. Бобринцевым-Пушкиным собственноручно.

№ 10 (11)¹

Дежурство
Главного штаба
его императорского
величества
по Канцелярии
дежурного генерала
в С.-Петербурге
30 апреля 1826
№ 800

Секретно.
Господину военному министру
дежурного генерала Главного штаба
его императорского величества

Рапорт

Вследствие поручения господина начальника Главного штаба его величества, имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству для рассмотрения в Комитете о злоумышленном обществе поданное на высочайшее имя государя императора прошение квартирмейстерской части поручиком Бобрищевым-Пушкиным 1-м, испрашивающим всемилостивейшего прощения.

Генерал-адъютант Потапов // (л. 41)

№ 11 (12)²

Всемилоостивейший государь,
ангел хранитель России!

От высоты своей услышите глас вопиющего к Вашему императорскому величеству из глубины своего бедствия. Умилосердитесь над пораженным судьбою, уподобьтесь, всеавгустейший монарх, и для меня, ничтожного Вашего подданного, тому божеству, которого лицо на земле Вы представляете и которое не отвергает грешников, с кающимся сердцем к нему прибегающих: простите меня, государь, как милосердный бог прощает. Опрометчивость молодых лет причиною первого шага всего моего поступка, навлекшего на меня все, что по необходимости за оным последовало; если я что сделал в отношении к этому несчастному обществу, то или принужденный обстоятельствами, или увлеченный состраданием к ближнему, и если заблуждался, то минутно и порывно. Опыт научил меня еще более, что все подобное есть не что иное, как порыв безумия, служащий некоторым образом отпечатком нашего века, невольно увлекающий в заблуждение молодость. Один бог видит помыслы человеческие, но дерзаю уверять Ваше императорское величество, что я всегда, // (л. 41 об.) следуя совести, старался по возможности избегать всякого действия, что это общество, как змея, лежало у меня на сердце, что я не знал, как от него освободиться, и что неоднократно на коленях просил всемогущего вывести меня из оногo, по крайней мере без действительного преступления, если уже по несчастию преступил словом. Слезами раскаяния омыл я некоторым образом свои проступки, я раскаивался и раскаиваюсь. Если не из сострадательного великодушия ко мне, который почитает себя недостойным высочайшей милости, то

¹ Рапорт написан на бланке со штампом, приведенным ниже. В верху листа помета чернилами: «1 мая 1826», на полях — «К сведению».

² В верху листа помета карандашом: «В Комитет», и чернилами: «№ 704».

простите меня, государь, ради престарелого отца моего, которого убьет мое несчастье и который был всегда вернейшим подданным всеавгустейшего монарха, вечно достойного памяти брата Вашего императорского величества и лично знаем был им с хорошей стороны. Я еще молод, государь, еще могу кровию моею запечатлеть верность моему монарху, которому обещаюсь загладить проступок мой своим усердием. Вечная // (л. 42) благодарность, кроме обязанности, послужит мне новыми узами, неразрывно привязывающими меня к престолу Вашего императорского величества, а точность в исполнении возлагаемых на меня обязанностей, которые исполнял я всегда со всеусердием, несмотря на это общество, которое было для меня делом посторонним, ручается еще за большую точность, при новых поручениях, если позволите мне быть вернейшим слугою.

Со слезами и рыданиями припадаю к стопам Вашего императорского величества, ожидая всещедрого даяния от высокомонаршей десницы всемилостивейшего моего государя.

1826
года,
апреля
25 дня

Вашего императорского величества
верноподданный
свиты Вашего императорского величества
по квартирмейстерской части поручик
Бобринцев-Пушкин 1-й¹ // (л. 8)

№ 12/3

Высочайше учрежденный Комитет требует от *поручика Бобринцева-Пушкина 1-го* откровенного показания.

1

Как Ваше имя и отчество и сколько от роду лет?

2

Какой веры и каждогодно ли бываете на исповеди и у святого причастия?

3

Присягали ли на верное подданство ныне царствующему государю императору?

4

Где воспитывались? Если в публичном заведении, то в каком именно, когда и куда из одного были выпущены, и ежели у родителей, то кто именно были Ваши учителя и наставники?

5

В каких предметах вы старались наиболее себя усовершенствовать или приготовить?

¹ Письмо написано Н. С. Бобринцевым-Пушкиным собственноручно.

Не слушали ли, сверх того, особенных лекций, в каких предметах наук, у кого, когда и где именно? // (л. 8 об.)

С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т. е. от внушений ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренились?

Когда вы вступили в службу, где и каким образом продолжали ли оную и не были ли за что-либо в штрафах или¹ под судом, когда и чем дела были окончены?

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 9)

№ 13/4

Высочайше учрежденному Комитету
квартирмейстерской части поручика Бобрищева-Пушкина 1-го

Рапорт

На предложенные мне пункты по порядку имею честь отвечать.

1

Имя мое Николай; отец мой — полковник Сергей Павлович Бобрищев-Пушкин, от роду мне двадцать пять лет.

2

Веры греко-российской, на исповеди и у святого причастия бываю ежегодно.

3

Ныне царствующему государю императору на верность подданства присягал.

4

Воспитывался сперва дома, то есть учился читать, писать, французскому языку и началам христианского закона у самой матушки моей, дядькою же для практики во французском языке имел с полгода и когда мне было лет 9 австрийской службы, родом из Эльзаса Иосифа Облингера, который никаких понятий не мог мне передать, ибо не имеет сам никаких, кроме самых обыкновенных, да и по-французски плохо знает. В 1811 году отдан в Московский университетский благородный пансион,

¹ Слова «за что-либо в штрафах или» вписаны между строк.

где пробыл год, по прошествии которого по причине нашествия неприятеля взят был опять домой и, думаю, что по молодости лет почти ничему там не научился. До 1814 года учителей не имел, но занимался сам как мог, особенно чтением книг, какие достать имел возможность, особенно на русском языке, впрочем, читал и иностранные; на небольшое только время имел двух учителей: одного — студента Московского университета Родиславского для изучения начал русской словесности, другого — кандидата того же университета Черницкого для изучения арифметики и начал алгебры, после чего в этом же году снова отдан в Московский университетский пансион, где пробыл до 1818 года¹; // (л. 9 об.) там, кроме наградений других, получил серебряную медаль с похвальным листом и золотую медаль с похвальным же листом, при которой на последнем акте по особенному представлению обо мне его сиятельству, бывшему министру просвещения князю Голицыну, сделанному действительным статским советником, кавалером и профессором Сандуновым, за класс русского законоискусства получил и еще особенный приз за его подписанием. В этом пансионе долженствовал бы я оставаться первым, но захотел начать службу, и так как в оном месте математику учат худо, а мне хотелось ее знать, то и вступил я в корпус колонновожатых, бывший тогда под начальством генерал-майора Муравьева, где обучался чистой математике, несколько — всеобщей истории, началам военных наук и военному рисованию; там пробыл год, после чего по экзамену, при котором взял полное число баллов, произведен в офицеры и оставлен при корпусе.

5

Всегдашний мой предмет, к которому я наиболее был пристрастен, — русская словесность и вообще литература, что доказывается некоторыми моими пиэсами, напечатанными в различных местах; по вступлении в корпус генерал-майора Муравьева я с большим прилежанием занялся математикою; во время же службы моей, кроме словесности, особенно старался вникнуть в военные науки посредством чтения всего того, что только мог достать хорошего из военных писателей; любил читать вообще и книги духовные.

6

В последний год моего пребывания в Московском университетском благородном пансионе ходил оттуда и в самый университет для слушания особенных лекций, именно у профессора Брянцева — лекций логики или метафизики, не упомяну, у профессора Каченовского — археологии, у профессора Тимковского — лекций латинского языка, у профессора Двигубского — лекций физики; у профессора Мерзлякова — лекций изящной словесности. // (л. 10)

7

Некоторые из своих понятий, к какому разряду их причислить, не знаю сам, получил вообще во многих и различных обществах, где мне бывать случалось, ибо по связям отца моего и моих многих родственников я не имел никогда недостатка в знакомствах и в знакомствах хороших; был даже столько счастлив, что везде, как по крайней мере мне казалось, был на самом хорошем счету; некоторые сведения о вещах

¹ Две строки от слов «алгебры; после чего...» на полях отчеркнуты карандашом.

получил также из книг, впрочем, пристально политической частью никогда не занимался и не имел для того достаточного времени; если же пробегал какие книги, имеющие какое-либо отношение к сею частию, то мимоходом. Насчет же вольнодумства относительно религии, не только никогда одного себе не позволял, но был всегда отъявленным врагом его, и, если угодно правительству воспользоваться опытами моей небольшой жизни, то с радостью осмеливаюсь представить здесь — да обратит оно внимание на сочинения Гельвеция, Даламбера, Мирабо или лучше барона Гольбаха «Систему Природы», Вольтера, кроме трагедий и поэму «Генриады», Фридерика II, кроме томов, относящихся до войны, и Буланже; опытом могу уверить, что многие честные души и расположенные ко всякому добру, принявшись за сии книги, не имел прежде случая посредством основательного учения приуготовить себя к здравомыслию, заблудились от обольстительности оных, и я говорю это не о какой-либо партии, а вообще о всей России; сам я вполне их не читал, но по отрывкам и по наблюдениям за другими знаю, какое благо из них произойти может¹.

8

Вступил я в службу в 1818 году; колонновожатым был один год и употреблялся по службе с доверенностию заметною пред другими; еще колонновожатому мне поручена была тригонометрическая съемка; хорошее обо мне мнение доказывается тем, что его превосходительство // (л. 10 об.) генерал-майор Муравьев и после моего производства в офицеры оставил меня при своем корпусе, где я пробыл еще год, и просился из одного по собственным только обстоятельствам в армию; прибыв в Главную квартиру 2 армии, тотчас же был отправлен на подольскую съемку под начальство квартирмейстерской части полковника Штегмана, а потом его преемника полковника Краузе; был также на оной и в отдельной команде у квартирмейстерской части полковника Гедихена; чрез два года взят в Главную квартиру, где получил за отличие чин и орден, где пребывал во все время и откуда был два раза послан дивизионным квартирмейстером на время двух больших маневров — на время первых, бывших в присутствии блаженной памяти государя императора, — в 20 дивизию к господину генерал-лейтенанту Удому, на время вторых, бывших только в присутствии его высокопревосходительства господина генерала-от-инфантерии Сабанеева, в 19 дивизию к господину генерал-лейтенанту Корнилову.

Под судом никогда не был; штрафован также никогда не бывал, даже в нижнем звании, и не только не был штрафован, но со всеми начальниками своими расстался как нельзя лучше.

Поручик Бобрещев-Пушкин 1-й²

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 43)

¹ Одиннадцать строк от слов «Гельвеция, Даламбера, Мирабо или лучше...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Показания написаны Н. С. Бобрещевым-Пушкиным собственноручно.

Высочайше учрежденному Комитету
квартирмейстерской части поручика
Бобрищева-Пушкина 1-го

Рапорт

Последние мои ответы писал я в изнеможении, а потому не все, как мне кажется², объяснил достаточным образом и позабыл упомянуть там некоторые обстоятельства, почему вследствие испрошенного мною позволения от высочайше учрежденного Комитета беру смелость здесь оные представить яснее.

Во-первых, относительно обстоятельств, служивших в последнее время к поселению в первые минуты ожидания каких-либо политических происшествий, кроме решительного тона полковника Пестеля, послужило мне еще то, что полковник Пестель говорил, что если бы и нас и его забрали (следственно, начались бы розыски), то все общественные³ вещи в таком положении, что их хода остановить это не может; это заключил я из того, что он именно сказал подпоручику Заикину: «*Пусть берут, теперь уже поздно!*». Послужило также к оному и сведение о том, что к этому обществу нечаянным образом присоединилось еще какое-то другое, совершенно отдельно составленное в каком-то корпусе, дошло оно через Крюкова 2-го; я не догадался упомянуть об этом, потому что почитал его за составляющее уже одно и то же общество, следственно, правительству и без меня оно известно; это заставило меня подумать, что таковых, может быть, и еще находится где-нибудь и, может быть, даже там, где совсем их и не подозревают. Надобно примолвить еще здесь, что некоторые из нас полагали почти всегда⁴, что полковник Пестель, кроме этого общества, иметь должен и другие какие-нибудь значительные связи в государстве⁵, о которых он не объявляет, быть может, и людям, наиболее к нему близким, как, например, господ[ину] генерал-интенданту Юшневскому; заключили мы это по тому понятию, какое имели о нем, и по невольному чувству бессилия общества, хотя верных признаков и доказательств на то никаких // (л. 44 об.) не имели. Все это вместе со всем, что я и прежде объяснил, в первые минуты и заставило меня думать, что обстоятельства весьма сомнительны, что, быть может, это общество и не весьма ли усилилось в других местах, что другие партии не предпринимают ли чего-нибудь и что о будущем ничего еще сказать решительного невозможно, почему и взялся было я за ту тетрадку, о которой говорил, впрочем, уверяю снова высочайше учрежденный Комитет, что и это был порыв совершенно минутный.

Относительно моего вступления в общество я должен сказать, что формально дал я слово только на то, что я не объявлю никому о существовании общества⁶. Вступление же мое произошло следующим образом: я заехал к Басаргину, начали с ним разговаривать, между прочим я спросил у него: «Ну, что же ваше общество, о котором ты мне говоришь?» — «Существует, — отвечал он мне, — а ты решился в него⁷

¹ Вверху листа помета чернилами: «9 июня 1826».

² Слова «как мне кажется» вписаны над строкой.

³ Слово «общественные» вписано над строкой.

⁴ Здесь над строкой были вписаны, а потом зачеркнуты слова: «близко к последнему времени».

⁵ Слова «в государстве» вписаны над строкой.

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слова «в него» вписаны под строкой.

вступить ¹?» — «Хорошо, вступлю, скажи, что я вступил». Формально же или основательно при вступлении я честного слова не давал. Он рассказал об оном ² своим приятелям, эти — другим, таким образом и начал я причитаться к сему обществу; после же с Басаргиным не только сношений, но и разговоров об обществе не помню, имел ли.

Когда подписал я отречение, то лично знал только двух членов — поручика Басаргина и поручика Крюкова 2-го, ибо учились вместе.

Относительно того общества, о котором я сказал, что меня приглашали к оному, то я опять повторяю, что это происшествие помню я, как сон, даже так, едва ³ могу уверить самого ⁴ себя в действительности оного по давности времени. То же, что я полковнику Пестелю о нем говорил, это помню совершенно и готов ему припомнить это на очной ставке. Если оно и не найдено или не доказано, то я уверяю всем, что я не вымыслил оно ⁵, что в памяти своей полагаю оное действительно существующим и что при понятии о масонских ложах, которых действия считал я политическими, и о распространении в России // (л. 45) мнений и толков оно, между прочим, содействовало к составлению моего понятия о делах общественных. Впрочем, я и прежде сказал, что доказать этого формально не могу.

Относительно толков в Тульчине религиозных я должен сказать, что я не заметил в них никакого обдуманного намерения, но оные бывали вообще при разговорах как изложения собственных каждого мнений.

Касательно понятий моих о силе общества должен я здесь также сказать, что я до последнего времени не знал, что к нему привержен совершенно хотя один солдат, и потому полагал, что хотя оно и военное, но не имеет никаких, по крайней мере верных, военных средств, что составляет более общество людей с сходными мнениями, что если собственными силами вздумает воздействовать, то разве через десятки лет, а вероятнее, будет открыто или само собою разрушится.

Касательно бывших у меня когда-либо политических разговоров, то если они бывали, то случайным образом; распространения же мнений умысленного в виду я никогда при них не имел.

Относительно подписки бумаг, находящихся при моем деле, я должен сказать, что бумагу, представленную мне для подписи его превосходительством генерал-адъютантом Чернышевым, подписал я, не читав оную, и подписал, не осмелясь ему противоречить, если там написано слово «не хочу», то я должен сказать, что сам я никогда бы его не написал, а написал бы так: «не могу, ибо совесть моя мне запрещает искать помилования в погибели другого». И в самом деле быть одолженным помилованием великодушию его императорского величества я почту величайшею милостию и счастьем, но основать его на ⁶ несчастии другого мне показалось ⁷ непозволительным.

Поручик Бобринцев - Пушкин 1-й ³ // (л. 8)

1826 года,
июня 9 дня

¹ Здесь над строкой было вписано, а потом зачеркнуто одно слово.

² Слово «оном» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «том».

³ Далее зачеркнуто: «едва».

⁴ Слово «самого» вписано над строкой.

⁵ Далее зачеркнуто: «и»

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слово «показалось» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «почсть делом».

⁸ Показания написаны Н. С. Бобринцевым-Пушкиным собственноручно.

О Пушкине 1-м

Князь Волконский

Обеих братьев Бобрищевых-Пушкиных называет членами Юж[ного] общ[ества].

Князь Барятинский

Оба Бобрищева-Пушкины были членами Ю[жного] общ[ества]. Просил старшего Пушкина объявить Пестелю, что комиссии его ему¹ надоели и он не² хочет заниматься более (21.) Ссылается в сем на Заикина, на обеих Пушкиных, пор[учика] Аврамова и Крюкова 2-го³.

Ивашев

Оба Пушкины приняты в общество после утверждения продолжения его (1)

Пору[чик] Заикин

Пушкины 1-й и 2-й суть члены Южн[ого] общ[ества]. (1) Бумаги Пестеля из Тульчина привезли вместе с Пушкиным 1-м и 2-м и зарыли в своей квартире в д. Кирнасовке, под полом, а после братья Бобрищевы-Пушкины зарыли оные⁴ в поле, и из них Пушкин 2-й указал ему самое место. С Пушкиным 1-м он читал те две бумаги Пестеля, кои не были зашиты, и вместе с ним сожгли. Содержание первой о исправлении артиллерии и второй — о успехах общества в приеме членов и проч. (Допо[лнение])

Загорецкий

Крюков 2-й при приеме сказывал, что Пушкин 1-й — член общества (1.)

Пушкин 1-й

В начальном допросе решительно отрекся, но⁵ на вопросы Комитета признался, что обществу принадлежит (он раскаивался).

Млад[ший] Юшневский

Бобрищевы-Пушкины, Николай и Павел, были члены общества (1.)

Заикин

О принадлежности обоих Пушкиных к обществу слышал от них самих (11.)

Когда Пестеля арестовали, Вольф, по поручению Юшневского, требовал сжечь бумаги Пестеля, но он с Пушкиным не хотели того исполнить, почитая сочинения Пестеля важными, // (л. 43 об.) и двукратно распуская между членами слухи ложные, что сожгли оные.

Две бумаги, сверх зашитых в холсте, он, Заикин, положил у себя на полке и забыл их. Пушкин 1-й раз, указывая на пол, где прежде зарыты были прочие, и говоря, что неприметно, спросил о тех двух бумагах, которые вместе прочитали и сожгли.

Так как в обществе думали все, что бумаги находились у него, Заикина, то по арестовании его и ожидал показания на свое имя и, видя,

¹ Далее стерто одно слово.

² Слово «не» вписано над строкой другими чернилами.

³ Слова «пор[учика] Аврамова и Крюкова 2-го» вписаны над строкой.

⁴ Слово «оные» вписано над строкой другими чернилами.

⁵ Слово «но» вписано в строку другими чернилами.

что Пушкины не согласились, он решился взять это на себя, дабы избавить их от ответа, показал, что знает место и сыщет бумаги, но ошибся в прииске последнего.

Пестель

Пушкины 1-й и 2-й члены общества, приняты после утвержденного продолжения общества. (19.) // (л. 3).

№ 16/0¹

О поручике квартир-
мейстерской части
*Бобрищеве-
Пушкине 1-м*²

Бобрищев-Пушкин 1-й сначала хотя и признался, что в 1819 году принят в тайное общество, имеющее целью ввести в государстве ограниченное правление посредством народной депутации, но притом упорно отвечал, что того, кто его принял, назвать не хочет и членов одного показать не может.

Вслед за сим на данные ему вопросные пункты отвечал, что он не решился сказать имени принявшего его в тайное общество и не объявил членов одного не из упрямства невольительного и не словом «я не хочу», что было бы в самом деле дерзко, но потому единственно, что он считал противным христианской нравственности воспользоваться предлагаемым ему помилованием за откровенное признание и для собственного спасения подвергнуть гибели другого. Потом, увидев противузаконность такового ответа, сознался, что принят в общество *Басаргиным* не в 1819, а в конце 1820 или в начале 1821 года. Причины, побудившие его вступить в оное, были желание быть полезным своему отечеству и вере, однако при всем том он согласие свое на предложение *Басаргина* называет // (л. 3 об.) опрометчивым, но не преступным, ибо в то же время решился не действовать иначе, как обстоятельства привлекут его к какому-нибудь из действий, которое бы показалось ему справедливым. Вообще *Бобрищев-Пушкин 1-й* был недействительным членом, сам никого не принимал и подробных сведений о планах, средствах и действиях одного не имел, но, по слухам, кои однако, почитал недостоверными, знал, что предполагали действовать в марте 1826 года; равным образом и направления *Пестелевы* к Республиканскому правлению ему были известны. В последнее время, когда производились уже разыскания, слышал также от *Крюкова 2-го*, который был послан *Пестелем* к *Сергею Муравьеву*, о готовности сего последнего начать открытые действия.

¹ В низу листа пометы чернилами: «№ 29»; «Читана 6 июня 1826».

² Ниже на полях помета карандашом: «№ 95».

Спрошенный по показанию Заикина, что от него ему, *Бобрищеву-Пушкину 1-му*, сданы для сохранения бумаги *Пестеля*, которые им и братом его зарыты в землю, отвечал, что сие он сделал не для сбережения оных и не по одному собственному желанию, а потому, что сего хотел *Заикин* и что он опасался истреблением их увеличить // (л. 4) вину свою и *Заикина* в таком случае, когда бы открылось, что они были им переданы; притом нелегко было ему сжечь такую кипу так, чтобы никто не заметил. Впрочем, *Бобрищев-Пушкин 1-й* признается, что, кроме вышеозначенной причины, побудившей его сберечь бумаги *Пестеля*, действовало в нем и любопытство посмотреть, нет ли там чего замечательного, ибо хотя *Пестель* ему и читал один отрывок «Русской Правды», на который он, *Пушкин*, сделал даже свое замечание, прибавив к оному своеручно текст из священного писания, но сие не только не могло дать ему совершенного понятия о сочинении *Пестеля*, но, напротив, убедило в сугубой неосторожности своей, ибо *Пестель*, подстрекнув самолюбие *Пушкина* одобрением сделанного им замечания в том сочинении, невольно уже привязал его к обществу, как человека, письменно участвовавшего в делах его. Но сие не могло дать ему совершенного понятия о сем сочинении. По вступлении в общество *Бобрищев-Пушкин 1-й* сожалел о том и однажды изъявил свое сожаление и генерал-интенданту *Юшневскому*. // (л. 4 об.)

Чтобы *Бобрищев-Пушкин 1-й* участвовал в каких-либо совещаниях общества или был в сношениях с членами, кроме случаев, самим им объясненных, того по делу не открывается.

По вступлении в общество *Бобрищев-Пушкин 1-й* раскаивался в своем заблуждении и однажды изъявил сожаление свое о том генерал-интенданту *Юшневскому* *.

Правитель дел *Боровков* // (л. 2)

№ 17/0

Квартирмейстерской части
поручик *Бобрищев-Пушкин 1-й*

Сила вины

Был членом общества, имевшего целью ввести в государстве ограниченное правление посредством народного правления ¹.

* Юшневский показание о сем *Бобрищева-Пушкина* подтверждает.

¹ Далее зачеркнуто: «а впоследствии».

Цель сия¹ была ему известна, и от Пестеля самого знал он о новой цели общества — ввести республиканское правление, и² частью содержание³ сочинения⁴ «Русской Правды», из которого читал ему Пестель отрывки, и Бобрищев-Пушкин 1-й сделал на оные замечание, прибавив к нему своеручно текст из священного писания.

По открытии общества по просьбе Заикина принял от него на сохранение бумаги Пестеля, которые вместе с братом зарыл в земле, а две, незашитые, сжег.

Ослабление вины

Ни в каких совещаниях общества не участвовал. Членов не принимал. По поступлении в общество раскаивался и сожаление свое о том изъявлял генерал-интенданту Юшневскому, что им и подтверждено.

Сие же чувство раскаяния особенно изливает в письме, писанном из теперешнего его заключения к его императорскому величеству.

¹ Слово «сия» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «оного».

² Слова «о новой цели общества ввести республиканское правление и» написаны на полях против строк другими чернилами.

³ Слова «частью содержание» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «существование сочинения».

⁴ Слово «сочинения» вписано над строкой другими чернилами.

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ
ДЕКАБРИСТА Н. С. БОБРИЩЕВА-ПУШКИНА 1-ГО

Член Южного общества Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин был выдан Майбородой¹. Он был арестован 30 декабря 1825 г.² На допросе в Тульчине 31 декабря 1825 г., несмотря «на увещевания», он категорически отверг свою принадлежность к тайной организации (см. документ № 3/2). Вместе с братом, П. С. Бобрищевым-Пушкиным 2-м, 8 января 1826 г. он был отправлен в Петербург³. Его показания были высланы Главным штабом 2 армии еще ранее и потому заслушаны Следственным комитетом 14 января 1826 г., за два дня до его приезда в Петербург⁴.

16 января 1826 г. Н. С. Бобрищев-Пушкин был допрошен генерал-адъютантом Левашовым и отвечал ему с исключительной смелостью. Он признал себя членом Южного общества, но отказался назвать своих сообщников (см. документ № 4/1). Тогда же материал допроса был представлен на рассмотрение Комитету⁵. Николай I, узнав о содержании ответов Н. С. Бобрищева-Пушкина, распорядился заковать его в кандалы. В тот же день декабрист был отправлен в Петропавловскую крепость и «по заковании посажен в кронверкской куртине в арестантской покой № 16»⁶. На заседание Следственного комитета он был вызван 19 января 1826 г.⁷ После допроса ему были вручены «вопросные пункты», их было всего четыре. Следственный комитет, «по-видимому, не располагал еще какими-либо сведениями о деятельности Н. С. Бобрищева-Пушкина в Южном обществе, кроме того, что Бяратинский «действовал посредством» него и других офицеров квартирмейстерской части 2 армии. Во вступлении к «вопросным пунктам» Комитет предупреждал Н. С. Бобрищева-Пушкина, что его отказ отвечать генерал-адъютанту Левашову «есть новое преступление» (см. документ № 5/6).

21 января 1826 г. Следственный комитет рассмотрел письменные ответы Н. С. Бобрищева-Пушкина⁸, они повторяли его показания на допросе. На вопросы Комитета Н. С. Бобрищев-Пушкин ответил довольно обстоятельно. Однако некоторые факты

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 40.

² Там же, стр. 74.

³ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 30, лл. 250 об., 270—270 об.

⁴ Там же, д. 26, л. 74; д. 30, л. 265.

⁵ Там же, д. 26, лл. 77 об.—78.

⁶ Там же, д. 35, л. 9.

⁷ Там же, д. 26, л. 85.

⁸ Там же, л. 91 об.

были им все же скрыты. Н. С. Бобрищев-Пушкин утверждал, что он в конце концов отстранился от участия в деятельности Южного общества, при этом он приводил в качестве доказательства данный им А. П. Юшневскому отказ сообщать о приеме в тайное общество новых членов (см. документ № 6/7). Все-что из этих показаний впоследствии подтвердилось. Так, А. П. Юшневский согласился с ним, что он действительно отказал ему в просьбе сообщать о вновь принимаемых членах Южного общества, не говоря, правда, по каким причинам Н. С. Бобрищев-Пушкин это сделал¹.

Все-таки Следственный комитет не поверил его показаниям. Вскоре выяснилось, что для этого у следователей было достаточно оснований. Н. Ф. Заикин был вынужден открыть Следственному комитету, что Н. С. Бобрищев-Пушкин участвовал в уничтожении некоторых бумаг Пестеля и сокрытии «Русской Правды». Брат Н. Ф. Заикина — Федор показал, что Н. С. Бобрищев-Пушкин, давая ему наставления, как сохранить «Русскую Правду», говорил ему, «чтобы она давалась по рукам для чтения и убеждения, что это дело не мальчишек». В связи с этим Следственный комитет 29 марта 1826 г. допросил Н. С. Бобрищева-Пушкина², вручив ему затем, как обычно, «вопросные пункты» (см. документ № 7/8). В обоих случаях декабрист дал откровенные показания³ (см. документ № 8/9). 4 апреля 1826 г. Следственный комитет рассмотрел его письменные ответы и решил «предоставить государю императору о расковании Бобрищева-Пушкина 1-го, который за упорное заперничество при начальном допросе в следствие представления Комитета был по высочайшему повелению закован»⁴. Вскоре Н. С. Бобрищев-Пушкин подал Комитету дополнительные показания к своим ответам (см. документ № 9/10), которые были рассмотрены 17 апреля 1826 г. и расценены как «ничтожное дополнение» к известным фактам.

25 апреля 1826 г. Н. С. Бобрищев-Пушкин подал прошение о помиловании (см. документы № 10/11 и 11/12). 9 июня 1826 г. он послал Комитету еще одно дополнение к своим показаниям, которое уже не имело большого значения для завершившегося следствия (см. документ № 15/9).

Кроме указанных выше документов, дело Н. С. Бобрищева-Пушкина содержит опись документов, формулярный список о службе Н. С. Бобрищева-Пушкина, вопросы комитета «о воспитании» и ответы на них, выписку из показаний декабристов и записку о нем правителя дел Следственного комитета Боровкова, главные пункты его обвинения (см. документы № 1, 2/5, 13/3, 14/4, 16/0, 17/0, 18/0).

Н. С. Бобрищев-Пушкин был осужден за то, что участвовал «в умысле бунта принятием на сохранение бумаг Пестеля»⁵. Верховный суд приговорил его к лишению чинов и дворянства и к ссылке в Сибирь на поселение бессрочно. Указ 22 августа 1826 г. установил 20-летний срок поселения в Сибири⁶.

Следственное дело Н. С. Бобрищева-Пушкина хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР в фонде 48 под № 422. Согласно современной нумерации оно состоит из 45 листов, заполненных текстом, и нескольких чистых листов. На листах сохранилась также нумерация, проставленная во время формирования дела военным советником Вахрушевым. Этот первоначальный ряд номеров ушел в деле 41 лист, среди которых имелись листы, не заполненные текстом. Вне нумерации Вахрушева оказались листы документов № 1, 16/0, 17/0, 18/0. Эти документы, кроме документа № 1, были, очевидно, помещены в дело позднее. Документы № 18/0, 17/0 и 1 были подшиты перед л. 1, а документ № 16/0 — между лл. 37 и 38 нумерации Вахрушева. Листы документа № 16/0 были пронумерованы под литерами «б», «в», «г» л. 37.

* * *

Ниже дан перечень дел Следственного комитета, в которых имеются показания Н. С. Бобрищева-Пушкина по различным вопросам, не вошедшие в состав публикуемого здесь дела № 422:

- 1) Дело № 138, А. Мартынова, л. 16 (показание без даты).
- 2) Дело № 305, «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжбных дел», л. 243 (Показания без даты).

¹ «Восстание декабристов», т. X, стр. 79.

² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 316.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 384.

⁵ Там же, л. 454, ч. 3, л. 226.

⁶ «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 37.